К 15-летию
Предстоятельства
Блаженнейшего Владимира,
Митрополита Киевского и всея Украины

игумен Агапит (Юрков)

Древо плодовитое и благосеннолиственное

[3] ... кто пророчествует, тот говорит людям
в назидание, увещание и утешение…
[22] ... пророчество же не для неверующих, а для верующих.
[24] ... когда ... пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, ...
[25] ... тайны сердца его обнаруживаются и он падет ниц
поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог.
[29] И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают.
[30] Если же и другому ... будет откровение, то первый молчи.
[31] Ибо все один за другим можете пророчествовать,
чтобы всем поучаться и всем получать утешение
[32] И духи пророческие послушны пророкам,
[33] потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира.
Так бывает во всех церквах у святых.
[34] Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить,
а быть в подчинении, как и закон говорит.
[36] Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?

(1–е Послание к Коринфянам святого апостола Павла, глава 14).

Древо плодовитое и благосеннолиственное

Христа ради юродивая девица
Екатерина (Моленко),
почившая в полночь
с 5/18 на 6/19 февраля 1997 года,
в день памяти преподобных отцов
Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

Подвизавшиеся в Киеве Христа ради юродивые предшественницы блаженной девицы Екатерины – «плода» их духовного древа:

блаженная старица схимонахиня Серафима (†13/26 октября 1943 года) – его «корень»
и

блаженная старица схимонахиня Мария (†16/29 июля 1953 года) – его «крона».

Часть I.

Краткие воспоминания о подвижницах благочестия XIX–XX века Христа ради юродивых блаженных схимонахинях Серафиме и Марии, покоящихся на Святошинском кладбище города Киева

Вместо предисловия

Приведенные ниже краткие воспоминания о двух матушках земли Русской, православных исповедницах XX века, подвизавшихся в Киеве во времена, не так давно ставшие достоянием истории, уникальны тем, что их основу составили свидетельства духовной дочери обеих стариц, преемственно окормлявшейся у них на протяжении длительного времени, и обязанной им очень и очень многим в прожитой земной и уже наступившей для нее вечной жизни. Фаина Александровна Прохода (урожденная Ракова) мирно почила в Киеве в июне 1994 года на восемьдесят втором году жизни и теперь покоится на Святошинском кладбище рядом с супругом Василием Лаврентьевичем у самых ног схимниц в соседней с ними ограде. Еще за пятьдесят лет до своей кончины и предсмертной болезни Фаина получила от многолетней келейницы и духовной преемницы старицы Серафимы – матери Марии – наказ молиться Божией Матери такими словами: «Обрадованная Божия Матерь! Молитвами блаженной старицы Серафимы дай мне ножку». Только через полвека стало понятно, что прозорливица показала своей духовной дочери какой смертью ей придется умереть. Именно через столько лет Фаина, сломав бедро, слегла на свой смертный одр и, коротко пострадав, почила вечным сном.

За полтора года до этого пишущему эти строки довелось близко сдружиться с Фаиной Александровной на правах почитателя ее почивших стариц, останавливаться у этой гостеприимной старушки в свои частые приезды в Киев, хлопотать о ней в

скорбные дни болезни, стать душеприказчиком и проводить до ее могилы на Святошинском кладбище. Покойница Фаина часто делилась со мной своими воспоминаниями о блаженных старицах Серафиме и Марии и, свидетельствуя об их святости, надеялась, что эта святыня не окажется под спудом в наше сложное время, требующее новых живых примеров благочестия. Итак, молитвами блаженных стариц-схимонахинь Серафимы и Марии, Господи, помоги начать.

Киевская пророчица

Таким эпитетом в дореволюционных Киевских газетах награждали схимонахиню Серафиму «босенькую», как ее называли в народе за обыкновение ходить босой в любое время года.

17/30 октября[1] 1888 года. Во время случившегося у станции Борки под Харьковом крушения царского поезда блаженная Серафима, находясь в Киеве, во услышание всех присутствующих возбужденно кричала: «Держи крышу! Держи крышу!» Этим она духовно поддерживала Александра III, обладавшего большой физической силой и, как оказалось, державшего на себе падающую кровлю царского вагона для спасения бывших с ним. Как известно, царская семья чудом не пострадала при этом крушении[2].

---

[1] Даты всех событий, в том числе и имевших место до введения нового гражданского календаря, приводятся по старому и новому стилям для удобства соотнесения их хронологии с днем сегодняшним.

[2] Той осенью царская семья посетила Кавказ. В середине октября отправились обратно в Петербург: морем до Севастополя, а оттуда по железной дороге. Царский поезд тянули два локомотива. Состав включал пятнадцать вагонов и двигался со средней скоростью 65 верст в час. 17 октября был обычный дорожный день. В полдень сели завтракать. В столовой собралась вся царская семья (за исключением Ольги, которую оставили с няней в купе) и свита – всего 23 человека.

Трапеза должна была скоро закончиться, так как до Харькова, где ожидалась торжественная встреча, оставалось ехать менее часа. В ту минуту, когда уже подавали послед-

По рассказам очевидцев той же поры блаженная старица Серафима в простоте сердца подошла к посетившему с 16/29 по 19 апреля/2 мая 1893 года Киев светильнику земли Русской, святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому и обратилась к нему со словами: «Батюшка! Благословите быть с вами одного духа!» И что же ответил Отец Иоанн? – «Бог благословит, становись, будем благословлять народ». И они вместе благословляли с

нее блюдо, все вдруг куда-то исчезло. Потом Александр III и Мария Федоровна будут бесконечное количество раз вспоминать тот случай, но так и не смогут восстановить его во всех подробностях.

Сохранился рассказ царицы о том происшествии. Она вспомнила, что все вокруг как-то сразу закачалось, раздался страшный треск. Опомнилась под кучей обломков. Моментально пришла в себя. В разорванном платье, с растрепанными волосами, со ссадинами на теле выбралась на свет и оказалась перед грудой щепок и исковерканного металла – это все, что осталось от вагона-ресторана императорского поезда. И ни одной живой души. Смертельный ужас объял ее. В тот момент в гробовой тишине раздался душераздирающий крик императрицы-матери, который потом вспоминали многие: «Что с детьми?» За несколько минут, показавшихся вечностью, Мария Федоровна пережила и перечувствовала столько – хватило бы на целую жизнь. Вдруг, откуда ни возьмись, перед ней появилась дочь Ксения.

«Она, – вспоминала императрица, – явилась мне, как ангел, явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался голос сына Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно также, как брат его Михаил. После них удалось, наконец, государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненых возле нас. Во всем этом была видна рука Провидения, нас спасшего». Маленькую Ольгу спасла нянька, которая, когда стали рушиться стены и потолок, успела вытолкнуть ее на насыпь железной дороги.

Выяснилось, что поезд сошел с рельс, и большинство вагонов полностью разрушены. Погибло 23 человека, в том числе и лакей, подававший государю. Раненых насчитывалось 19 человек. Из царской семьи серьезно не пострадал никто.

По всей империи служились молебны, возносилась хвала Господу, спасшему семью Помазанника от смерти. На месте крушения, у местечка Борки, в 43 верстах от Харькова вскоре был заложен храм.

Через месяц после катастрофы Александр III писал брату Сергею: «Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить! Этот день не изгладится никогда из нашей памяти. Он слишком страшен и слишком чуден, потому что Христос желал доказать всей России, что Он творит еще чудеса и спасает от явной погибели верующих в Него и Его великую милость». Боханов А.Н. Император Александр III. – М.: Русское слово. – 1998. – С. 374-376.

балкона многотысячную толпу людей, собравшуюся на площади напротив теперешнего Киевского главпочтамта.

Со слов самой матери Серафимы известно, что она родилась в 1829 году у православных родителей Феодора и Мелании, и с семи лет проживала в одной из женских обителей на Кавказе. Молоденькой девушкой несла послушание огородницы. Игуменье монастыря трижды являлась Богородица в виде величественной Жены с повелением отпустить Серафиму в мир. При третьем Своем посещении Небесная Гостья объявила, что за оказываемое игуменьей непослушание последует грозное наказание. В уверение этого у матери Серафимы без видимой причины резко ухудшилось зрение, от чего она вскоре чудесным образом избавилась. Так юная избранница Божией Матери за послушание направилась из Иверии в «мать городов русских».

В Киеве в стенах Святой Киево-Печерской Лавры в монастырском саду Серафиме самой явилась Эта Величественная Жена, как прикровенно именовала в своем рассказе Серафима Богородицу, явилась, чтобы укорить свою избранницу за чтение светской книжки. Серафима сподобилась слышать от Нее укоризненное: «Не читай! Это Богу не угодно и Мне не угодно!» И многажды после этого блаженная Серафима, по ее собственному свидетельству, видела Эту Женщину. Не удивительно, что избранная свыше для служения Богу и людям Серафима подвизалась в подвиге юродства Христа ради, самом тяжелом виде подвижничества в миру особых угодников и угодниц Божиих.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский, благословивший киевскую старицу Серафиму «быть одного с ним духа».

Во время случающейся летней засухи, несшей неисчислимые бедствия простым людям, блаженная Серафима накладывала на себя сугубый пост, после чего смачивала грубое сельское рядно, одевала его как мантию и, окруженная толпой людей быстро шла по Житомирской дороге до Ставища перед Рожевым. При этом ее видели идущей, даже бегущей по воздуху над бренной землей. И не было случая, чтобы на подходе к криничке не пошел с неба вымоленный блаженной благодатный дождь.

Вот еще одно свидетельство того, как матушка помогала страждущим не только словом, но и делом. Одна женщина бежала в Киев от своей смерти, так как брат с невесткой хотели ее погубить. Мать Серафима подошла к ней в церкви со словами: «Идем, будем шить рясы. По коврам еще будешь ходить». Первую рясу сшили вместе. Впоследствии эта женщина стала лучшей рясницей Киева и по своему достатку действительно ходила по коврам.

Как-то к матери Серафиме с надеждой на молитвы и исцеление принесли тяжело болящую девушку. К трепету присутствующих только что принесенная больная умерла, но была здоровой возвращена к жизни горячей молитвой матушки.

После революции

О послефевральских и послеоктябрьских событиях в жизни матери Серафимы по понятным причинам сохранились самые скудные сведения. Несмотря на то, что до наших дней дошли лишь отдельные памятные эпизоды, можно сделать вывод о том,

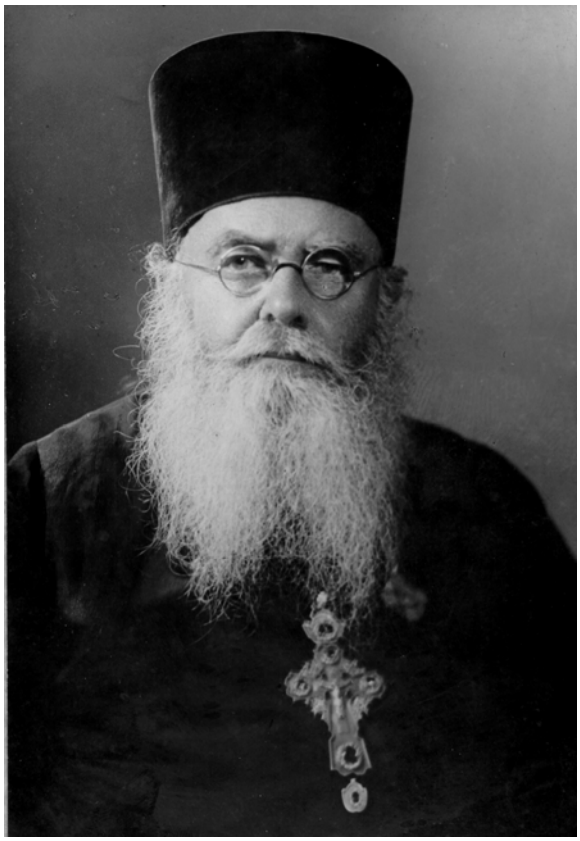
что блаженная продолжала быть светильником, горящим для верных в виду всех.

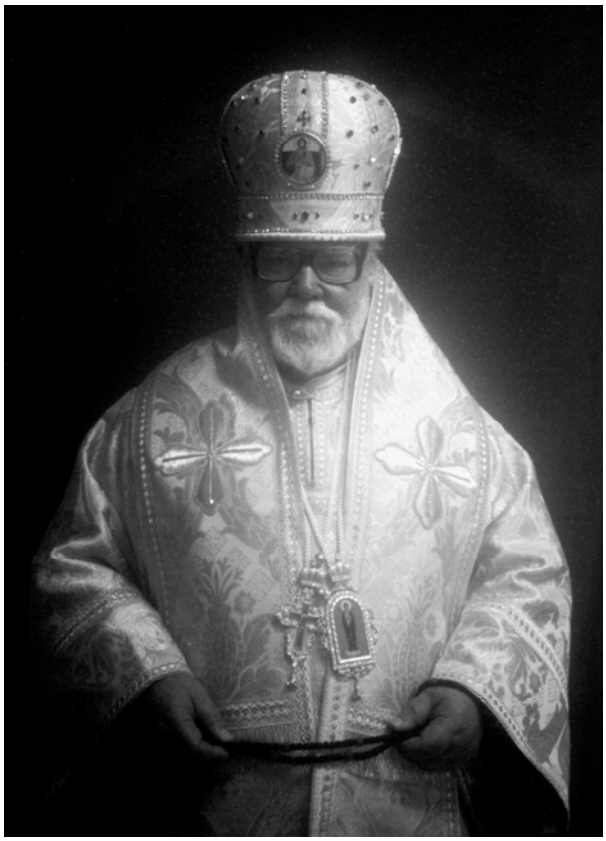
О благодатной помощи, оказываемой матери Серафиме свыше, свидетельствует ее горячая почитательница, жена известного в Киеве врача Беляева, у которых в доме нередко останавливалась блаженная. Она вместе со старицей шла по Банковской улице, когда совершенно неожиданно на них из-за угла на полных парах выскочила тройка лошадей. Лошади встали на дыбы и словно замерли. Мать Серафима провела свою спутницу под ними, не останавливаясь и не потерпев никакого вреда.

Семья Беляевых жила возле Киевского драмтеатра в добротном собственном доме и, понятное дело, что революционные власти собирались отобрать его у беззащитных «бывших господ». В только Богу ведомый и открытый ей, назначенный для экспроприации день и час, блаженная велела супруге доктора купаться в ванной и под этим предлогом никого в дом не впускать. Это повторялось всякий раз, когда к дому приступали облеченные властью беззаконники. Так молитвами старицы и не пустили Беляевы в свое жилище экспроприаторов.

Матушка Серафима была вхожа в дом священника Свято-Покровского монастыря протоиерея Сергия Афонского. Как-то старица встретила на пороге батюшкиного дома его старшего сына с портфелем в руках. Серафима легонько шлепнула мальчика по затылку и сказала: «Так всю жизнь и будешь ходить с портфелем». В доме же она поклонилась в землю трехлетнему сыночку отца Сергия со словами: «Благословите, Владыко!»

Через многие годы Георгий (так звали будущего владыку) в годы оккупации Киева фашистами будет увезен в Германию, оттуда переберется во Францию, окончит там два университета; после чего в Америке получит Православное духовное образование, примет монашество с именем Григорий и впоследствии станет епископом Аляскинским. Сейчас владыка Григорий на покое и часто приезжает в Россию и на свою Родину в Киев. Он присутствовал на торжествах перенесения святых мощей преподобного Серафима Саровского в Дивеево в 1991 году; на Покров Пресвятой Богородицы в 1996 году служил в Свято-Покровском монастыре Киева, там, где у него, еще младенца, просила архипастырское благословение прозорливая старица Серафима много-много лет тому назад.





Отец и сын. Протоиерей Сергий и епископ Григорий (Афонские).

Потомок славного гетмана Самойловича диакон Никола отличался кротким и смиренным нравом и теми внешними странностями, которые в народе воспринимаются, как признаки блаженного, Божьего человека. Отца Николу часто обижали окружающие за косноязычие, но к нему очень тепло относилась старица Серафима. Она не имела от Николы тайн, открывала ему все и предсказывала, что он ее будет хоронить.

В начале тридцатых годов во время непрекращающихся арестов, ссылок духовных лиц, наступления обновленцев, автокефалистов и живоцерковников, Серафима повела диакона Николу Самойловича к проживавшему в Киеве известному ей православному епископу[3], и при этом торжественно несла в руках перед собой клюшку от разливной ложки или половника. В квартире владыки блаженная обратилась к нему с вопросом: «Я не знаю, владыка, ты остался жив или нет? А он, – и указала на Николу, – остался. Рукоположи его в священники». Владыка согласился и оставил Николу у себя, после чего обратился к блаженной: «Матушка, отобедайте с нами». Серафима отвечала: «Нет, пойду». Владыка: «А что это у вас в руках?» Блаженная, потрясая

[3] Епископ Николай (Парфенов, 1879 – † около 1956 года; проживал в Киеве с 1927 по 1933 или 1934 годы). По воспоминаниям матушки Евгении Рымаренко именно к нему, по своей прозорливости благословил обращаться вместе с ее супругом отцом Адрианом преподобный старец Нектарий Оптинский во всех духовных нуждах во время их будущего вынужденного проживания в Киеве (см. книгу «Цветочки Оптинской пустыни / Воспоминания о последних Оптинских старцах о. Анатолии (Потапове) и о. Нектарии (Тихонове)». – Москва. – «Паломник». – 1995. – С. 59-62, 65-66, 67, 178). Выбор Преподобного, конечно же, объясняется тем, что Адриану Рымаренко, как будущему священнику, во время гонений и преследований больше подобало обращаться к старцу-епископу.

своей ношей, заявила: «Я этой клюшкой всех злодеев переловлю!»

Сам владыка тоже «как бы немного юродствовал» – пишет о нем в своих воспоминаниях матушка Евгения Рымаренко. И слыл за большого молитвенника и прозорливца. Подтверждая это, она рассказывает в своих воспоминаниях следующее событие из жизни только что упомянутого епископа Николая, блаженной матушки Серафимы и отца Николы.

«Помню еще случай с одним диаконом. У этого диакона кроме трудного общецерковного положения было тяжелое семейное положение: жена была против его диаконства. Она была состоятельная женщина, но денег мужу не давала; он очень нуждался и опустился. А у нас в Киеве тогда была одна юродствовавшая Серафима. Ее некоторые признавали за таковую, другие нет, но владыка Николай ее все-таки принимал, когда она у него появлялась. И вот эта Серафима прислала диакона Николу к владыке. Он пришел в грязном старом подряснике и в очень упадочном настроении. Владыка его утешил, но страшно на него напустился, что он пришел к нему в таком виде: «Какой же ты диакон? Ты такой грязный и идешь в храм, к Престолу в таком виде! Надо купить новый подрясник». О. Никола отвечает, что денег нет. А ведь тогда купить материал было очень трудно. А владыка свое: «Купи новый подрясник, и вот тебе 20 копеек». Диакон поверил, сказал: «Благословите», взял 20 коп. и ушел от владыки. Сел на трамвай и поехал по направлению своего храма, где он должен был быть ко всенощной. Но тут как раз окончились работы на за-

водах, рабочие наполнили трамвай, бедного диакона затолкали: он не мог протиснуться, чтобы выйти там, где ему нужно было, и проехал несколько остановок. Наконец, удалось выйти. Он, бедный, пустился бежать, потому, что уже опаздывал к службе. Вдруг встречает двух женщин: «Батюшка, батюшка, подожди, у нас к тебе дело». И просят их провести во Флоровский монастырь. Диакон их пожалел, сказав: «Хорошо, идем, но скорее только, а то мне некогда». И вот они буквально бегут, а по дороге женщины рассказывают, что у них горе, умер брат, и они хотят во Флоровском монастыре заказать сорокоуст. Добегают они до церкви, в которой служит диакон, входят в нее и вдруг говорят: «Знаешь, мы уже не пойдем в монастырь, а тут у вас и закажем сорокоуст». Подходят к священнику, отдают деньги ему и просят поминать их покойника. И вот оказалось, что там было столько денег, что сразу же после всенощной диакон, получив свою долю, увидел, что он может сшить себе новый подрясник. И он через две недели пришел к владыке Николаю в новом подряснике».

Комментируя приведенные в цитируемой записи слова матушки Евгении Рымаренко «владыка Николай ее все-таки принимал», можно сделать акцент на ее же свидетельстве о том, что он «почти никого не принимал, ... бывая только в храме Введенского женского монастыря» и «в Киеве соприкасался с очень небольшой группой верующих».

Когда «Святейшему Патриарху Тихону предписано было властями некоторых епископов выселить из Москвы в другие города..., [*Святитель*] призвал владыку Николая и назвал три ка-

кие-то города, в том числе и Киев, предложив ему выбрать для себя место жительства. Владыка выбрал Киев и переехал туда.

Таким образом, Киев для владыки был как бы новым местом ссылки. Ему нужно было жить очень осторожно, не обращая на себя внимания местных властей.

При владыке жил иеромонах, келейник и две женщины-работницы. Они занимали довольно приличную квартиру у одной верующей домовладелицы Печерска [*район старого Киева в округе Киево-Печерской Лавры*].

Владыка был маленького роста и горбатенький, но во всем его облике было что-то необыкновенное: какая-то благость, духовность; глаза были большие, вдумчивые и ласковые, но манеры были повелительные: чувствовалось, что он привык начальствовать и распоряжаться».

Она же так описывает свой первый визит в квартиру владыки: «Помню, я подошла к дому, обнесенному высоким забором. Калитка была заперта на задвижку; меня научили искать маленькую дырочку, в нее просунуть шпильку и, таким образом подняв задвижку, открыть калитку, не звонив, чтобы не обращать ничьего внимания на то, что кто-то идет к владыке. Быстро пройдя двор, я вошла в помещение, занимаемое владыкой. Первое впечатление у меня было: чистота, уют и какой-то мир и тишина; чувствовалось, что все живут на послушании, что это как бы маленький монастырь.

Сам владыка ... говорил резко, иногда шутил. Например, меня [*Е.Г. Рымаренко*] он привел в полное недоумение, сказав:

«Хотите остаться у нас обедать? Если хотите – оставайтесь, а не хотите – уходите». Я не знала, что делать, и с большим смущением осталась.

Прошло несколько месяцев; за это время о. Адриан бывал у владыки, я же не была ... я еще относилась к владыке с некоторой критикой.

Потом сама не заметила, как произошло то, что я стала чаще и чаще бывать у владыки, и так расположилась к нему, что ничего уже не могла сама решить, или начать, не спросив его благословения и молитвы».

Этот яркий психологический автопортрет матушки Евгении лучше всего объясняет нотки недоверчивости и отстраненности от нашей блаженной старицы Серафимы, прослеживающиеся в косвенных воспоминаниях о ней в описанном выше про диакона Николу случае. Ценно же в них не ее отношение, а без всякой к ним симпатии описываемые факты, которые сами говорят за себя. Рыбак рыбака видит издалека. Прозорливый владыка Николай доверял блаженной Серафиме и всегда шел навстречу ее богодухновенным пожеланиям.

Идя по Крещатику с толпой окружавшего ее народа, блаженная спрашивала своих приверженцев, указывая на выставленные кругом портреты вождей: «Это кто?» Люди отвечали: «Властители». Мать Серафима во всеуслышанье громко обличала их: «Грабители!»

К слову сказать, она так характеризовала Советскую Власть: «Это гнилая капуста, упадет, разобьется и только вонь пойдет».

Про возникшие с ее установлением недостатки и неурядицы заявляла: «За что боролись, на то и напоролись». А про будущий финал этой власти предсказывала: «Как начиналось, так и кончаться будет». Про Киев говорила, как утверждала: «Киев был святым и останется святым!» Идущим по Крещатику, советовала читать молитву «Богородице Дево, радуйся».

Когда пришли арестовывать уже рукоположенного отца Николу, матушка схватила его за рукав, толкнула навстречу пришедшим и как закричит им: «Забирайте его!» Молилась, конечно, и действовала по-своему, по-блаженному, со властию. Военные только переглянулись и навсегда ушли от блаженного батюшки, имевшего такую заступницу перед Богом.

1933 год. Засуха, голод на Украине. Священник села Холутец Брусиловского района Житомирской области отец Кондрат решился совершить крестный ход в Киево-Печерскую Лавру за благодатной помощью голодающим. Людей шло много. Побывали в Лавре, помолились и крестным ходом вернулись назад к сельскому храму. Вот тут и нагрянула милиция, объявляют священнику: «Вы арестованы!» Отец Кондрат попросил разрешения войти в храм, чтобы собраться и в этот момент на храмовой колокольне зазвонили, как на пожар. На этот звон сбежалось все село. А на колокольне две старицы все бьют и бьют в набат и грозно кричат: «Архистратиг Михаил берет! Архистратиг Михаил берет!» Это присоединившиеся к крестному ходу матушки Серафима и Михаила стали горой за сельского батюшку-исповедника. Милиционеры с перепугу стали всех уговаривать

успокоиться, разойтись, а батюшке наказали впредь крестного хода не делать, отпустили с миром и сами ретировались. Арест не состоялся. Матушки спустились с колокольни. В храме был отслужен благодарственный молебен. Так старицы спасли отца Кондрата от тюрьмы.

А когда в этом же году Свято-Успенскую Киево-Печерскую Лавру закрыли, матушка Серафима утешала скорбящих об этом православных киевлян, пророчествуя: «Не плачьте, люди добрые, Лавра еще воссияет и будет в ней жить и служить владыка-митрополит»[4].

В предвоенные годы

О том, каким образом матушка Серафима обращала людей ко Господу, можно судить по дневниковым записям, оставленным священником Василием Савковым. В 1936 году Василию случилось с особенно искренней верой, молитвенной глубиной, слезами и умилением прочитать Акафист святому великомученику Георгию Победоносцу. Вскоре после этого он стал часто посещать Выдубицкий Михайловский монастырь и именно здесь впервые встретился с блаженной Серафимой.

Как-то перед началом службы Василий обратил внимание на множество людей, толпящихся возле одной необыкновенной монахини. Перед ним предстояла глубокая старица, но лицо ее было исполнено детской лаской и необычайным спокойствием,

---

[4] Это пророчество Блаженной исполнилось шестьдесят лет спустя, когда во вновь открытой Свято-Успенской Киево-Печерской Лавре разместил свою Резиденцию Первосвятитель Украинской Православной Церкви, Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан).

оно прямо таки сияло неземным светом. У Василия появилось непреодолимое желание подойти к этому земному ангелу и небесному человеку, но смущали окружающие блаженную женщины.

После службы он вышел из храма следом за монахиней и решился подать ей лепту и пригласить к себе домой. Серафима отвечала ему, что великомученик Георгий благословляет ее посетить Василия на следующий день и велела, чтобы его жена приготовила для гостей «борщику» и чтобы он завтра пришел сюда в монастырь.

Василий сразу же всем сердцем прилепился к старице и последовал за ней и ее восемью спутницами. Как оказалось, матушка Серафима пошла посетить кое кого из своих чад. Там для них прямо во дворе приготовили постный борщ, и блаженная самолично ухаживала за всеми, каждому подливая этой нехитрой снеди. Василий почувствовал жажду получить от нее духовное назидание, а Серафима ответила на этот невысказанный помысел: «Я тебя позову». Затем из-за стола поднялась одна из угощаемых женщин, живущая по соседству, и позвала матушку к себе. Блаженная согласилась и зашла к ней вместе со всеми своими спутниками.

Там уже находился игумен Серапион, который в это время молился и заметно смутился прилучившимся шумом. Схимонахиня Серафима подошла к нему, посмотрела на икону Святой Троицы и, указывая на нее рукой, сказала: «Я там была». Игумен задрожал и очень строго взглянул на нее. А блаженная, как ни в

чем не бывало, продолжала: «Что ты «заховался»? Афонской ересью соблазнился? Хочешь сейчас войско призову?» После чего обратилась ко всем пришедшим: «Подходите к игумену под благословение!» – и сама говорила, на что именно благословляться. Василию же подсказывает: «Благословите мне стать священником!» Он повторил эти ее слова, игумен Серапион благословил Василия, дал ему листок с душеполезным чтением и сказал: «Доброго желаешь».

На следующий день Василий Савков снова был в Выдубицком монастыре. Старица Серафима уже была там. Она взяла Василия за правую руку, с большим напряжением подняла ее высоко вверх и стала, молясь, водить от иконы к иконе с тем, чтобы он прикладывался к ним. Василий говел и в этот день причастился святых Христовых Таин.

После службы все отправились к нему домой. Блаженная собирала встречающиеся на пути цветы и складывала их в букет. Во дворе уже был накрыт обед и снова матушка с детской непосредственностью раздавала борщ всем с ней пришедшим. Мимо шел куривший мужчина и старица грозно на него накричала, он тут же бросил свою папиросу, а Серафима позвала его к столу.

После этого она дала Василию книгу про Московского митрополита и велела читать ее тут же под деревом. Сама же вместе со спутницами и с цветами в руке вошла в дом и стала прикасаться к каждой вещи. Велела жене затеплить лампаду. Василию же прямо через окно еще раз наказала: «Читай, читай». Затем попросилась прилечь на диван и даже переночевала на нем. Рано

утром на вопрос как супругам жить дальше отвечала: «Как Иоанн Кронштадтский» и отправилась в Выдубицкий монастырь.

Василий стал часто бывать у матушки Серафимы. Однажды старица раскрыла Правильник и велела ему читать Акафист Иисусу Сладчайшему. Во время молитвы вся ее келия наполнилась ароматом, а душа особого избранника Божия – неизреченной радостью. Часто потом повторяла ему блаженная: «Вася, ты мой». И он, действительно, был ее преданнейшим духовным чадом.

И еще будущее священство Василия Савкова матушка Серафима предсказала ему следующим знаменательным образом. Она обвела совсем еще молодого человека вокруг Лавры, высоко поднимая его руку к небу, и торжественно свидетельствовала о нем всем встречающимся людям: «Это священник! Это священник!»

Фаина же Александровна впервые познакомилась с блаженной старицей Серафимой, когда той уже минуло сто восемь лет. Это знакомство состоялось через ее еще не расписанного и, тем более, не венчанного супруга Василия Проходу, вся благочестивая семья которого давно окормлялась у матушки. Они сошлись на Дальнем Востоке, где работали, как молодые инженеры на одном и том же строительстве. Летом 1938 года Василий привез Фаину с Дальнего Востока в Киев, показал родным. И в первый же день повел «на суд» к матушке. Мать Серафима тогда жила у Софии, в сером доме возле Арсенала, в первой комнате на первом этаже. Вход в квартиру был в самом конце двора справа. Блаженная встретила супружескую пару приветливо: «Это твоя?

Я ее знаю и я ее люблю, и ты люби ее». Старица отправила обрадованного Василия за целым перечнем покупок и в его отсутствие обличила Фаину во всех ее грехах.

У молодых были на руках заработанные деньги, и они просили матушкиного благословения на покупку дома или квартиры, но блаженная ответила им отказом: «У вас и на ступеньку нет земли. А домов будет много, но жить в них некому будет (предсказывала о будущей войне)». Не благословляла даже снять квартиру, пока им не сделали предложение в Святошино. Тут старица заторопила: «Скорей, скорей. Заплатите за три года вперед».

Матушка и сама бывала в Святошино, некоторое время жила там, в доме у Трофима и Анастасии. Как-то, прохаживаясь с матерью Фаины среди еще немногочисленных хаток этого пригорода Киева, прозорливица говорит ей: «А мы здесь поставим ульи, чтоб жили люди». Это о нас и наших жилищах 80-90-х годов пеклась тогда раба Божия Серафима, освятившая эту землю своими молитвами.

В том же 1938 году у Фаины случился приступ аппендицита, она обратилась к матушке, прося ее святых молитв. Серафима говорит: «Нарви крапивы и пожги себе все тело и лицо». Фаина исполнила этот совет и после крапивы горела три дня, но с тех пор за послушание старице приступ не повторялся.

В апреле 1941 года супруги пришли вечером к матушке Серафиме на Юрковскую. Блаженная лежала и руками из-за спины достала три живых красных розы, приколола Василию, Фаине и себе и стала петь: «Исаие, ликуй». Василий смущенно обратился

к Фаине: «Ты скажи, что мы не венчаны». Матушка отвечала: «Я знаю. Езжайте сейчас на Соломенку в церковь, и вас после вечерни повенчает отец Александр (в войну будет расстрелян немцами за то, что крестил евреев)». Денег не было. Василий и Фаина отвечают старице: «Попозже повенчаемся». А матушка им: «Позже нельзя. Позже будет поздно». Зашли в соседнюю комнату и сказали об этом послушнице Александре. В это время открылась дверь, и вошла Мария Денисовна из Рожева. Матушка Серафима кричит ей: «Манюня! Иди сюда». Приколола ей розу и сказала: «Езжай и венчай их». У Марии Денисовны оказались необходимые деньги. Повенчали очень торжественно с паникадилом, певчими, шаферами, платочками и прочим. Дали и кольца. За послушание матушке Серафиме обвенчали без регистрационной записи.

После венчания Мария Денисовна ночевала у матушки и впоследствии передавала теперь уже законным супругам, что у старицы по этому поводу было целое духовное торжество.

Брат Василия Лаврентьевича Иван рассказал ему следующий случай удивительной прозорливости матери Серафимы. Как-то она послала свою послушницу Александру в церковь Флоровского монастыря найти Ваню и привести к ней. Послушница удивленно возражала старице: «Где я его найду и как узнаю? (они до этого никогда не виделись)». Матушка была неумолима: «Иди и приведи!»

Делать нечего. Александра пошла во Флоровский монастырь и по наитию нашла и окликнула Ивана у выхода из церкви, привела к матушке.

Мать Серафима строго обличила Ваню в нечестивой связи, случившейся с ним в поезде, и в готовящейся повторной встрече в Москве: «Куда ты едешь? С кем ты едешь? И зачем ты едешь?»

Он послушался, исправился и признался брату со словами: «Вася, знай, что это за матушка!»

Окормлявшаяся у блаженной Зинаида Федоровна, имевшая двоих детей, как-то осталась ночевать у нее на Подоле (на Юрковской). В полночь матушка Серафима будит ее: «Вставай, иди домой». Зинаида вышла в страхе, прошла еще освещенную часть Подола и вступила в кромешную темень. В страхе и ужасе пала, молясь, на колени... Пришла в себя, когда шла по третьей просеке в Святошино. На пороге дома слышит плач младенца-сына Валентина. Оказалось, что старшая дочка пошла на свидание, оставив спящего малютку-брата одного.

Одна из духовных дочек блаженной в эти страшные годы попала под суд. Слезам и волнениям ее не было конца. В день суда матушка вся в белом в окружении своих неизменных спутниц пришла в здание суда и села у дверей. Вызывают провинившуюся в зал суда. Секретарь ищет ее дело и никак не может найти. Нет дела! Все перерыли – нигде нет! Матушка говорит: «Нет дела». Встала и пошла. На этом судебная гроза рассеялась. Дела не стало и судебное преследование прекратили.

Война

В первый же день Великой Отечественной войны принесли повестку и Василию Проходе. Супруги пошли к блаженной старице. Матушка Серафима по прежнему жила на Подоле на улице Юрковской в двухэтажном доме № 10 вместе со своей многолетней келейницей монахиней Михаилой (будущей великой старицей схимонахиней Марией) и послушницей Александрой, средних лет, родом из Липецка, приехавшей к ней из Задонска.

Мать Серафима оставила скорбящих гостей ночевать: Василия уложила на столе возле икон, а Фаину устроила отдельно. Проснувшись ночью, Фаина увидела старицу, сидящей у себя в ногах во всем белом. Блаженная дважды спросила ее: «Чем ты меня будешь вспоминать? Чем ты меня будешь вспоминать?»

Блаженная старица Серафима в годы старости.

Наутро матушка Серафима вложила руку Василия в руку Фаины, положила сверху свою. После этого ходила по комнате и мычала как корова, как потом оказалось, предсказывая Василию Лаврентьевичу его страдания в немецком плену. Говорила ему: «Ничего не бойся! Крестись, не бойся, от креста и медведи падают». С этим матушкиным благословением Василий ушел на фронт.

Блаженную по возможности часто посещали ее духовные чада: отец Никола Самойлович, монахиня Флоровского монастыря Татиана, которую матушка прозорливо называла не иначе, как своей кровницей, мама Василия и Фаина Прохода, Зинаида Федоровна из Святошино и многие, многие другие.

Старица Серафима предсказала Зинаиде Федоровне лютую смерть ее неверующего и строптивого мужа, что за неверие свое он заплатит кровью, и чтобы она поминала его борщом. Его разорвало немецкой бомбой во дворе собственного дома на части так, что они долго висели на ветвях ближайших деревьев.

Матери Василия Лаврентьевича матушка сообщила, что та умрет «ходячи», что и оправдалось в точности в дальнейшем.

Киевлянка Мария служила в рядах действующей армии в спецсвязи штаба легендарного летчика Покрышкина. Когда ее мать перестала получать от нее известия, она поспешила к старице Серафиме. Сочувственно взглянув на нее, матушка сказала: «Ее звать Мария? Она жива. Все будет благополучно. Вернется». Нельзя передать радость утешенной матери – у нее словно крылья выросли. Все, что сказала прозорливица, исполнилось. Сей-

час Мария Кузьминична трудится регентом Макарьевской церкви города Киева.

А когда в Киев пришли немцы, блаженная матушка Серафима вступила в пору своих последних крестных испытаний. Перед этим она на правах старицы отправила свою бывшую келейницу монахиню Михаилу в Святошино, в дом, где жила Фаинина мама Анна Николаевна Ракова. Мать Серафима вручила Михаиле большую просфору и сказала: «С этой просфорой я передаю тебе всю себя». Препоручила ей же своих духовных чад: «Сохрани моих крупинок». Велела Анне Николаевне приготовить борща и блинов, а матери Михаиле принести их для нее – Серафимы. Анна Николаевна Ракова приготовила поминальную трапезу для самой себя, потому что почила на пятый день после того, как немцы вошли в Киев.

Матушка Серафима готова была душу свою положить за спасение ближнего. Так, когда славной с виду послушницей Александрой стал нагло интересоваться дюжий немец, начал караулить ее во дворе дома, матушка стеной встала на защиту ее девической чести и отвадила его следующим образом. Когда он перехватил Александру во дворе и знаком приказал ей следовать за ним, мать Серафима неслышно подошла к своей послушнице и отправила ее в дом, а сама последовала за насильником. Вот он поворачивается к своей жертве и... замирает от страха, видя негодующую на него блаженную. Больше он и близко не подходил к этому двору.

Как-то, придя к своей старице, Фаина застала у нее Анну Моленко с дочерью Екатериной. Кате только что исполнилось четырнадцать лет, и она была известна тем, что по молитвам матушки Серафимы спала в течение сорока дней в своем домике в селе Петривцы под Киевом, недалеко от Вышгорода, сподобясь видений райских обителей и преисподней. Незадолго до этого знаменательного духовного события блаженная Серафима разыскала в Киеве профессора, которому предсказала, что его вызовут к спящей девице, за которую он будет отвечать перед Богом своей головой. Так перед самой кончиной блаженной Серафимы у нее появилась еще одна достойная преемница. Блаженная Екатерина была одета в матросское платьице и, несмотря на отроческие годы, поразила Фаину необыкновенно проницательным взглядом своих карих глаз...

Как и предрекала старица Серафима, контуженый Василий во время тяжелых боев в беспомощном состоянии попал в плен. Целую колонну таких же страдальцев после изнурительного перехода загнали за колючую проволоку. Их не кормили и не поили, относились к русским военнопленным, как к тому скоту, который матушка показывала коровьим мычанием. Чтобы не замерзнуть, Василий с двумя товарищами по несчастью поплотней улеглись в яму и тщательно укрылись шинелями. Когда они пришли в себя, вокруг никого не было. Всех погнали дальше, а их в полутьме даже не заметили. По молитвами матушки они оказались на свободе и разошлись каждый в свою сторону. Василий направился в Киев и чудом дошел домой.

В конце октября 1943 года супруги снова посетили мать Серафиму, чтобы поблагодарить ее за спасение Василия. Блаженная старица спросила его: «Хотите со мной в Небесный Иерусалим?» Василий ответил за двоих: «Хочется пожить». И сто четырнадцатилетняя Христова невеста благословила своих духовных деток на дальнейшее земное странствование: «Бог благословит и я благословляю». От предложения переехать старица отказалась и прямо сказала: «Я буду здесь спатки. Придите через пару дней». Но к тому времени Киев был закрыт, всех выселяли за пределы старого города.

На Подоле был развешен приказ: «Всем жителям перечисленных улиц в 24 часа освободить дома». Люди в страхе покидали свои жилища: в суматохе выносили и грузили на тачки свои пожитки, ехали, шли – уходили.

А матушка Серафима говорит послушнице Александре: «Пришел наш час. Я буду великомученицей Варварой, ты – великомученицей Екатериной», – после чего благословила достать оцинкованную старую ванну, греть воду и готовить купель. Первой омылась перед смертью матушка, после нее в той же воде – Александра. И эта общая купель означала одинаковый конец их земной жизни.

Наступило 13/26 октября 1943 года – день мученической кончины Христа ради юродивой старицы схимонахини Серафимы и ее преданной послушницы и спутницы в Небесный Иерусалим Александры. В этот день фашистские патрули в сопровождении местных полицаев делали обход опустевших кварталов и

вошли в дом № 10 по улице Юрковской. Здесь они и обнаружили двоих добровольных мучениц, приносящих себя в жертву за любимый ими святой Киев и за поруганную Святую Русь…

Блаженная старица схимонахиня Серафима и послушница Александра незадолго до их мученической кончины.

Как покажет впоследствии осмотр их тел, о страдальческую голову блаженной Серафимы разбили бутылку, искромсали стеклом ее затылок и шею. Послушнице Александре перед смертью отрезали нос, губы и уши, искалечили руки и позвоночник, а после того, как замучили, бросили под покрытый скатертью стол, где хранился узел с тряпьем.

В ночь на 14/27 октября убиенная схимонахиня Серафима в сонном видении явилась священнику Трофиму и велела похоронить себя во Флоровском монастыре. Он известил об этом игуменью, которая послала за ее останками монахиню Татиану с еще одной помощницей. Монахини ночью в мешке перенесли тело старицы Серафимы во Флоровский монастырь, где ее похоронили слева от входа в обитель за собором. Когда Татиана взвалила на свою спину мешок с драгоценной ношей, на нее хлынул целый поток матушкиной крови. Так она воочию стала кровницей своей великой прозорливой старицы.

Матушка второй раз явилась хоронившим ее и обратилась к ним с укором: «Петрики, придите, похороните Александру». Татиана и ее напарница-монахиня, взяв старую монастырскую тачку, отправились за матушкиной послушницей.

Изувеченную Александру нашли под столом, за узлом тряпья, завернули в простыню, уложили и привязали к тачке, двинулись по пустынным ночным улицам к монастырю. В центре Подола, где сейчас проходят трамвайные линии, на перекрестке дорог, у тачки отскочило колесо. Вокруг ни души. Их объял неописуемый страх, ведь еще немного и появится немецкий патруль.

Татиана с подругой отчаялись в помощи, только плакали и молились. И по ходатайству блаженной Серафимы им зримо и ощутимо явился преподобный Серафим Саровский. Он подошел к страдалицам, утешил их. Сообща с прославленным небожителем они надели и укрепили на тачке колесо. После этого сестры получили от преподобного благословение на дальнейший путь, кинулись земной поклон Ему положить, а Старца уж нет. Заливаясь слезами, с молитвой на устах прибыли в монастырь. Игуменья распорядилась похоронить послушницу Александру у ограды Флоровского монастыря.

Преемница матушки Серафимы

На протяжении сорока лет у блаженной старицы схимонахини Серафимы несла послушание келейницы и духовно пестовалась Анна Петровна Димарова из Нежина. Мать Анны звали Синклитикией. После смерти родителей Анна жила у своего брата с невесткой и как блаженный «вольный каторжанин» постоянно возилась с землей. Непонимание и недовольство родственников и соседей вынудили ее уйти в Киев. У матушки Серафимы блаженная пришлась ко двору. Став келейницей старицы, Анна приняла монашество с именем Михаилы. Мать Михаила отличалась на редкость величественной и красивой внешностью. Смиряя свою будущую преемницу, матушка Серафима одевала ей на голову невесть, откуда взявшиеся мужские штаны с ширинкой на самом видном месте и отправляла в лес за щепками для печи. Михаила страдала всем своим существом, но, смиряясь перед Богом данной старицей, даже не прикасалась к своему головному

убору. Встретив в лесу других людей, мать Михаила с болью кричала: «Люди добрые, рятуйтэ (спасите)!» А подойдут люди на помощь – молчит, как будто и не кричала вовсе, не жалуется.

За сорок лет совместного подвижничества мать Михаила стала на одну духовную ступень со своей великой наставницей. В подтверждение этого можно привести один характерный случай.

Матушка Михаила и послушница Паша (Устенко) спускались по крутой дороге, вымощенной булыжником, к Подолу, когда за их спиной показалась товарная бричка, запряженная двумя ломовыми лошадьми, скачущими на полном скаку под управлением подвыпившего возницы. Мгновение – и бричка раздавила бы идущих. Паша только вскрикнула, а матушка резко обернулась к лошадям и подняла руку. Кони на скаку встали на дыбы, сдерживая на себе бричку и опрокинувшегося кучера. Стояли послушно, пока рабы Божии переходили на противоположную сторону под забор. И лишь только матушка взглянула на лошадей, указывая им свободную дорогу, как те, опустив копыта, двинулись дальше.

Пелагею Устенко направил послужить матушке Серафиме известный своей прозорливостью святитель схиархиепископ Антоний (Абашидзе, † 1 ноября 1942 года) прямо из Крестовоздвиженской церкви Киево-Печерской Лавры, где он тогда принимал множество приходящих к нему за советом и благословением людей.

Святитель схиархиепископ Антоний (Абашидзе), имевший духовное общение со старицей Серафимой и ее будущей преемницей.

Матушка Серафима благословила послушницу Пашу стать келейницей у матери Михаилы и перед своей мученической кончиной заблаговременно отпустила их, сохраняя Михаилу для старчествования вместо себя. При этом схимонахиня Серафима обязала свою будущую преемницу принять великий ангельский образ. Вскоре Михаила стала схимонахиней Марией.

Под началом матушки Марии

За двух убитых партизанами немцев в Святошино арестовали 20 заложников: десять мужчин и десять женщин. Среди последних оказались матушка Мария и послушница Саша (Власенко). Мужчин немцы сразу же расстреляли, а заложниц увезли в Церковщину копать картошку. Там блаженная обвязалась красным знаменем с серпом и молотом и со словами: «Вы копайте, а мне надо в Святошино», – на виду у немцев свободно ушла в Киев.

В это самое время Фаина, узнав о кончине матушки Серафимы, рвалась из Святошино на Подол, попрощаться со своей старицей. Это было очень опасно, так как немцы хватали на улицах Киева всех, кого не попадя, брали их заложниками, искали подпольщиков-партизан. Когда Фаина все-таки направилась в Киев, ей навстречу вышла матушка Мария: «Никуда я тебя не пущу!» Так и не пустила Фаю на верную смерть. Они стали жить под одной крышей.

Как-то Мария говорит: «А послезавтра придут молоденькие». В назначенный день к ним действительно присоединились

послушницы Поля и Саша. Старица стала принимать много приходящего к ней народа.

Несмотря на высокую духовную одаренность матушки Марии, Фаина не воспринимала ее как равную покойной старице Серафиме.

Как-то, когда они остались в доме вдвоем, мать Мария подошла к ней и рассказала, как матушка Серафима благословила ее просфорой и духовно передала с ней всю себя и всех своих «крупинок». У Фаины как будто пелена спала с глаз, и она с тех пор всем сердцем привязалась к своей новой руководительнице.

Прозорливая старица стала готовить их общий дом к приему незваных гостей. Наварила разной снеди, выдержала ее до появления ярко-зеленой плесени и размазала по стенам и потолку. Развесила на веревках все свободные вещи. Вид получился просто картинный. Вскоре стали ставить в дома на постой немцев, а хозяев выдворяли в сарай или на улицу. Зашли и к ним, посмотрели и, понятное дело, ушли ни с чем.

Затем в Святошино пришли на постой наши. Здесь матушка распорядилась иначе. На сундук Фаины Александровны усадила Полю и не велела ей подниматься с места. Троих солдат поместила под огромный стол и весь день, и ночь занимала их рассказами из жития святых. У них единственных тогда ничего не пропало, да и солдатам эти сутки со старицей дали несомненную духовную пользу. В других домах постояльцы бессовестно опустошили все пищевые запасы в подполье и на чердаках своих временных хозяев. Так, осталась ни с чем вместе со своими детьми

Зинаида Федоровна. Матушка делилась с ними всем, что было в доме, помогала и другим.

После освобождения Киева Василий Прохода был вновь мобилизован в действующую армию. На этот раз он уходил с благословением старицы Марии. Вскоре его откомандировали в Киев с выставкой трофейного немецкого оружия. Накануне этого матушка специально сожгла себе спиртом колено до язвы. Когда он пришел домой, блаженная попросила: «Василий Лаврентьевич, мне нужен бинтик». Он отвечал: «У меня есть только один неприкосновенный пакет». А матушка: «Дайте мне». Фаине же говорит: «Каждый день приноси стакан меда». Так продолжалось сорок дней. Потом старица говорит: «Больше не надо». Как бы там ни было, но и Василий Лаврентьевич, и Фаина Александровна именно с этими действиями блаженной связывали то, что он остался во всю войну без единой царапины.

Одно время старица стала надевать на себя что-нибудь из лучших, наиболее дорогих вещей Фаины Александровны и, в то же время, кутаться в какое-нибудь тряпье. В таком странном виде блаженная шла и занимала очередь за продуктами. Стояла в окружении изумленно рассматривающих ее людей и незаметно, тихо за них молилась. Когда подходила матушкина очередь, она переходила в ее хвост и так продолжала свое спасительное дело.

Как-то блаженная обратилась к Фаине: «Мне нужно 150 рублей». На эти деньги старица купила на соседней улице крепкого петушка, принесла его в дом Зинаиды Федоровны и, со словами: «Будет хозяин», – привязала к ее кровати крепкой бечев-

кой. В доме не стало покоя. Все очень роптали на это, как вдруг петух куда-то исчез. Как потом выяснилось, матушка Мария отдала его в дом Анастасии и Трофима, у которых жила когда-то матушка Серафима. Вскоре овдовевшая Зинаида Федоровна стала получать письма от бывшего друга ее мужа майора Алексея, который уже успел оставить свою собственную жену. Перед этим матушка стала звать Зинаиду: «Иродиада, иди сюда». Но вместе с тем посоветовала ей начать ответное письмо словами: «Мой дорогой муж!». После войны Алексей перебрался к Зинаиде Федоровне. Посылая на венчание, матушка Мария поставила их друг к другу спиной. Майор вел себя в доме, как тот беспокойный петушок. Жизнь с ним не заладилась. Он стал смотреть на сторону, на что матушка говорила Зинаиде: «Сам уйдет, но дом с собой не заберет». Так все и исполнилось. Блаженная старица перешла жить к освободившейся от семейных уз Зинаиде Федоровне.

В первые послевоенные годы жили впроголодь, в почти полной нищете. Все мерзли, укрывались тряпьем. Согревала только пламенная, непрестанная молитва матушки. И вот однажды приходит из Покровского монастыря монахиня и предлагает купить у нее за 600 рублей теплое, стеганое ватное одеяло. Такие шили в монастыре. Матушкина келейница даже прослезилась: нужно бы было купить, даже очень нужно, да нечем заплатить. Старица велит взять одеяло у монахини с уплатой 600 рублей через неделю. Келейница сопротивляется: откуда взять такие деньги?! Но уже спустя день приходит почтальон и вручает перевод на 600 рублей неизвестно откуда и от кого – на квитанции ни

штемпеля, ни имени отправителя. А матушка Мария улыбается и сообщает: «Святитель Николай Чудотворец прислал подарок – деньги на покупку одеяла».

Желая духовно послужить жителям близлежащих домов, старица становилась их должником. Для этого она посылала Зинаиду Федоровну по соседям занять немного картошки. Это повторялось довольно часто. Блаженная горячо молилась о своих невольных заимодавцах, испрашивая им за это у Бога всяческие блага.

Затем наступила пора семечек. Старица обязывала всех приходящих к ней усаживаться за стол и сообща очищать семечки от скорлупы, читая на каждом семени одну Иисусову молитву. Очищенные зернышки отдавались на съедение птицам.

Кроме того, матушка не оставляла заведенного еще с молодых лет обыкновения возиться с землей, многократно перекапывать ее, причем не только возле своего дома. Выше упомянутая Анастасия постоянно роптала на своего мужа Трофима, но когда матушка выходила копать у их порога землю, тут же умолкала, думала, что ей могилу копают. Мало кто понимал эти труды Христа ради юродивой схимницы. У многих это вызывало самые черные подозрения. Раз матушку, раскапывающую землю, окружили женщины и мужчина и стали угрожать расправой за... колдовство! Почтенная старица смиренно просила у всех прощения и объяснила эти свои с виду бессмысленные занятия, как врачебную процедуру для плохо работающего кишечника. Мужчина

вполне удовлетворился этим объяснением блаженной и заставил нападавших женщин оставить ее в покое.

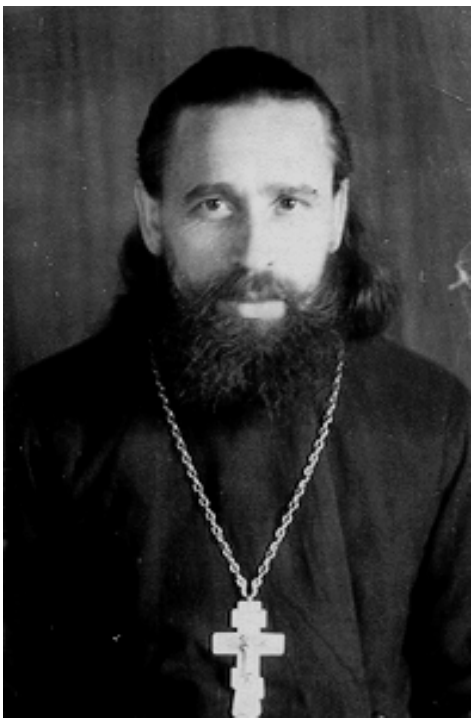
Вскоре этот же мужчина очень пышно справлял день своего Ангела. В самый разгар застолья в доме у соседа матушка Мария со скорбью сказала бывшим с ней: «Вечером песни, а заутра плачь». После праздничного веселья именинник так и не проснулся.

В 1946 году Фекла Матвеевна Мишенина привела к старице Марии свою семилетнюю дочь Екатерину. Единственным желанием матери было получить благословение прозорливицы на монашеское будущее дочки. Сама Фекла, уступая желанию своих родителей, не смогла в девичестве уйти в монастырь и была вынуждена выйти замуж. Но, ценя иночество превыше всего, она желала его для младшенькой из своих детей, наиболее покладистой и церковной, которая безропотно и с радостью ходила вместе с ней в храмы и монастыри. Сама Екатерина вспоминает, что не успели они с матерью переступить порог приютившего старицу Марию дома, как она огорчила Феклу Матвеевну одним единственным словом, сказанным в адрес ее дочери: «Мирская...». Так все и вышло. Благое желание Феклы осуществилось только через сорок пять лет, уже в наши дни: Бог судил стать инокинями ее внучке и правнучке по линии так и оставшейся «мирской» Екатерины.

У матери Марии был преданный ей духовный сын – иерей Василий Савков. Как и предсказывала в свое время его первая старица Серафима, он стал священником, окончив после войны

Киевскую Духовную Семинарию при Свято-Андреевской церкви, и служил теперь на скромном сельском приходе.

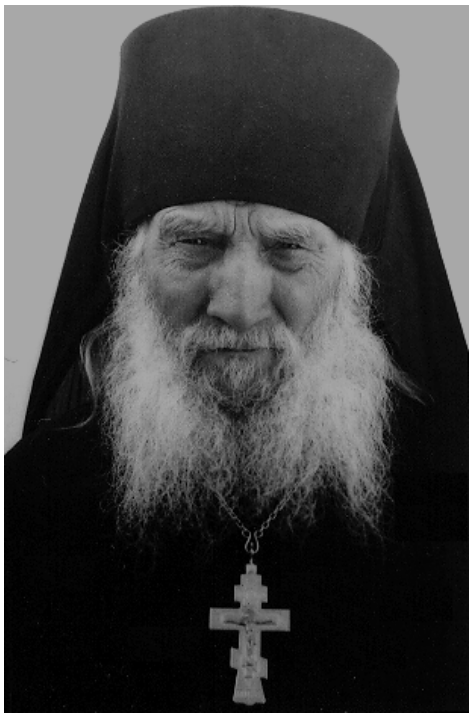
В один из дней она позвала его к себе. Батюшка с радостью поспешил на зов блаженной и, придя, обнаружил особенно торжественную обстановку в доме: кругом – просто идеальная чистота, постель и занавески на окнах абсолютно свежие, новые; матушка, недавно выкупанная, сидит в свежей рубашке, заметно взволнованная, в каком-то непонятном ожидании. Она высылает из комнаты послушниц и велит им никого не пускать. Отцу Василию поручает встать перед иконами и читать вслух Акафист Божией Матери. Вдруг молящийся священник почувствовал, что окружающее его пространство меняется, раздвигается, а сам он начинает таять «яко воск» и наполняется тихой радостью. Священник поворачивается к матушке и видит ее с воздетыми к Небу глазами и руками, полностью погруженной в молитву. Батюшка читает, но чувствует, что как будто раздваивается: собственный голос звучит глухо и отдаленно; что-то светлое, радостное, сладостное, благоуханное переполняет все его существо. Он снова оборачивается на старицу и видит ее, сияющей подобно солнцу и, беседующей с Кем-то невидимым для него. Дивные мгновения несказанного блаженства! Но вот все становится обычным, он снова четко слышит свой собственный голос, читающий Акафист Богородице. Раздается тихий ликующий возглас матушки: «Знаешь Кто у нас был? Сама Царица Небесная!» Так отец Василий по достоинству оценил свою благодатную старицу.



Иерей Василий Савков.

Но враг не дремлет, священника стали одолевать ужасающие бесовские наваждения. Однажды во время служения литургии, когда он со святой Чашей в руках вышел Царскими вратами приобщать верных, его взору представилась разверстая пропасть вместо пространства храма. Он в ужасе вернулся в алтарь, сам потребил Святые Дары, завершил службу и, передав через пономаря причастникам прийти на следующий день, тут же направился в Киев к духоносной старице. Она встретила его словами: «Что? Ведьмы служить не дают?», благословила и крепко препоясала его от демонских приражений и волхвов своим шерстяным пояском. Насколько сильна молитва старицы стало ясно при первом же Богослужении. Когда отец Василий вышел причащать народ, храм наполнился воем трех ворожей, которые, испытывая удары невидимых небесных сил, с проклятиями, бегом покинули церковь. С тех пор водворилось в храме прежнее благочиние.

Покойный насельник Одесского Свято-Успенского мужского монастыря схиигумен Амвросий (Титенков; † 10/23 апреля 1990 года в возрасте 90 лет) рассказывал, как этот же отец Василий привел его к старице Марии в первый раз, когда он еще был в миру, жил во Львове и имел семью. Блаженная, увидев его, взяла свечу, окунула ее в лампаду и обратилась к будущему пастырю со словами: «Поставьте мне и Палладии на лбу крестик», после чего схимница поцеловала его руку и велела келейнице сделать то же самое.



Схиигумен Амвросий (Титенков),
рукоположенный 24 декабря/6 января 1975 года
в Одесском Свято-Успенском мужском монастыре во иеромонаха,
через двадцать пять лет после знаменательной встречи
с блаженной старицей схимонахиней Марией
самим исполнением прореченного ему дела пастырского служения
засвидетельствовал ее благодатную прозорливость.

Интересно отметить, что после этого события будущее иеромонашество ему предсказал и преподобный Кукша (Величко), Одесский чудотворец. Когда Павел Титенков пришел к старцу

Кукше за благословением, преподобного уже дожидалась целая толпа народа. Казалось, что попасть к отцу Кукше в этот день не удастся. Но он по своей прозорливости окликнул Павла, тогда еще женатого человека, как иеромонаха, причем, повторил это свое пророчество дважды. Когда же Павел сообразил, что речь идет о предсказании святым старцем его собственного будущего, он обратился к преподобному со словами: «Благословите!» и получил от него благословение на будущее священство вместе со словами: «Бог благословит!»

Еще о матушкиной прозорливости. На той же Совхозной улице, где жила в доме Зинаиды Федоровны старица Мария, проживали Феодор Васильевич, его жена София и их двое сыновей: один школьного возраста, другой – совсем еще малыш. Матушка Мария стала часто наведываться к ним на подворье, да все старается помочь: то дрова берется пилить, то послушниц с ведрами и коромыслом за водой в яр пошлет, да непременно через этот двор, то ласковое слово хозяевам скажет.

Как-то старица зашла во двор Феодора и Софии и на глазах у них положила «на козлы» полено, очень быстро отпилила от него один брусок и отбросила его через плечо далеко в сторону яра, потом отпилила второй брусок и выбросила его в другую сторону, а третий брусок кинула под ноги. Этим старица показала хозяевам то, что вскоре здесь произойдет. Через несколько дней их старший сын, взяв своего малыша-брата на прогулку, втроем вместе с соседским мальчиком нашли в лесу оставшуюся с войны мину и стали ее разбирать. Прогремел взрыв. Три разо-

рванных тела разлетелись в разные стороны. Поднялся крик, приехала милиция, скорая помощь. Деток похоронили. София обезумела от пережитого горя. Матушка Мария своими молитвами облегчила родителям тяжесть потери, вернула Софии разум. Старица вновь пришла в дом Феодора и Софии и сумела успокоить обоих, между прочим, предсказав: «В утешение даст вам Господь дочь. Она будет послушной, доброй помощницей». Родившаяся дочка действительно стала их утешением и отрадой. Ее назвали Верой.

Про двоюродную сестру Фаины Александровны, бывшую учительницей, мать Мария, сидя спиной к окну, к которому та подходила, сказала: «Пятнадцать лет будет до половины закопана в землю». За 15 лет до смерти ту действительно наполовину парализовало.

В Святошино была небольшая церковь, куда и ходила матушка Мария со своими послушницами. Как-то возвратившись из храма в воскресный день старица стала показывать, как будто пробирается сквозь толпу прихожан и все просит: «Пустите меня. Дайте я пройду. Ну пропустите же меня!», – и «с трудом» добравшись до кроватки, устало говорит: «Ну и много же было людей сегодня в церкви, но молились только батюшка и я». Так учила блаженная не толкаться, не ходить, не разговаривать во время Богослужения – не развлекаться, а внимательно молиться.

Перед закрытием этого храма старица стала предсказывать связанные с его будущим дальнейшие события: приходила на службу и тут же садилась в уголке храма и засыпала до конца Бо-

гослужения, или принесет семечки и лузгает их прямо в церкви. Вскоре храм закрыли и в нем устроили палату для отдыхающих. В оскверненном храме потом и спали, и грызли семечки.

Когда закрыли Святошинскую церковь, матушка с послушницами стала ходить в Борщаговскую.

Как-то старица Мария шла вместе со своей келейницей домой и встретила отца Мирона, идущего им навстречу в обычной гражданской одежде. Матушка приготовила руки к принятию благословения и, подойдя к нему, сказала: «Иерусалимский патриарх, благословите!» Таким приветствием блаженная раскрыла весь его жизненный путь. Когда в Русско-японскую войну Мирона призывали на фронт, родная мать благословила его образком Казанской Божией Матери, чтобы Пречистая хранила его во всех путях, чтобы он в огне не горел, в воде не тонул, от пули и штыка не пострадал. Но завещала сыну, если он останется жив, стать священником и служить Божией Матери и Богу. Всю войну Мирон не расставался с маминым благословением. Божия Матерь чудесно хранила его во вся дни. Он сидел на крыше вагона, когда в него угодил японский заряд. Взрывной волной Мирона отбросило в безопасное место. Чудом уцелел он не только от смерти, но и от самого малого ранения, даже не ушибся и не оцарапался. После окончания войны Мирон поехал в Кронштадт. В Андреевском соборе яблоку негде было упасть, только ковровая дорожка для встречи отца Иоанна Кронштадтского была свободна от людей. Вскоре к собору подъехала Батюшкина карета. Отец Иоанн направился в собор, Мирон пошел следом за ним и по ковровой

дорожке добрался к солее. Там он пробыл всю службу и вышел из храма опять же след в след за святым пастырем. Далее он пошел за экипажем, медленно движущимся к дому Батюшки, следом за ним миновал въездные ворота и направился за отцом Иоанном в его дом. Тут только святой обратился к Мирону со словами: «Почему медлишь с выполнением материнского благословения?» Так Мирон получил указание свыше о своем дальнейшем жизненном пути. Он отправился в Святую Землю, где был очень благосклонно принят Иерусалимским патриархом. Именно в Иерусалиме Мирон стал чтецом, пел на клиросе, учился при Русской Духовной миссии. Когда у него заболели глаза, Патриарх Святого Града благословил Мирона ехать лечиться в Одессу. Там его и застала Первая мировая война, затем революция, Гражданская война... Вернуться в Иерусалим стало невозможно. На Родине Мирона рукоположили во пресвитера. Позже он стал служить в Киеве. Все это Бог открыл прозорливой старице. Поэтому батюшка, изумившись, сразу же понял, что перед ним необыкновенные люди, долго смотрел им вслед, а позже, все о ней подробно разузнав, стал посещать старицу, пользоваться ее советами во всех своих важных делах...

Нина Ивановна решила накануне праздника привести комнату в порядок, побелить потолок. Ей вызвалась на помощь добрая верующая знакомая. Да пока хозяйка деток обошла, накормила, пока приготовились да начали – наступил вечер, пора в храм на службу. Нина Ивановна проводила добровольную помощницу и осталась сама, «один на один» со строительным бес-

порядком в доме. Охватило чувство бессилия. Но вот открывается дверь, на пороге незнакомая женщина, которая говорит: «Меня прислала матушка Мария помочь вам». Прозорливица не оставила свою духовную дочь в беде и, когда пришла к ней посетительница по своим делам, старица отправила ее совершить доброе дело, хотя в храмах уже во всю шла праздничная служба.

Галина Михайловна рассказала, как по молитвам матушки Марии был спасен от гибели в авиационной катастрофе ее супруг, военный летчик, давно окормлявшийся у этой старицы. Он летал на сверхзвуковых самолетах. Однажды во время выполнения одиночного полета над морем у самолета стал глохнуть двигатель. Пилот сообщает по рации о ЧП и получает приказ возвращаться на базу, но после этого отказывает управление самолета, вспыхивает двигатель. А внизу бескрайнее море. В кабину падающего самолета заглянула смерть. Летчик закричал: «Господи, спаси! Матушка, помоги!» И этот отчаянный крик был услышан на огромном расстоянии прозорливой старицей. Она во услышание всех присутствующих ответила: «А мы не дадим тебе ни сгореть, ни утонуть». В этот самый момент летчик почувствовал, как Кто-то невидимый какой-то необъяснимой силой, как ладонями огромных рук подхватил неуправляемый самолет, перенес его через водную гладь и, сбив пожар двигателя, мягко, как игрушку посадил его на небольшой морской остров. Так на расстоянии спасала матушка своих духовных детей.

Духовная дочь матушки Марии Емилия Александровна Старченко, с чьих слов приведены все эти случаи, преподавала

русский язык и литературу в одной из школ Киева и вспоминает, что среди ее учениц выделялась своей скромностью, послушанием и, в то же время, какой-то беспросветной «тупостью» в учебе Светлана Т., жившая со своей матерью в крайней бедности. Сколько она провела с ней индивидуальных дополнительных занятий не сосчитать, а результат прежний – одни «двойки и единицы». Такое же положение и по другим предметам. Девочку однозначно собирались оставлять на второй год. Емилия Александровна пошла посоветоваться об этом со своей старицей, а матушка Мария твердо благословила, несмотря ни на что, переводить ее в следующий класс. Учительница выполнила это ее указание. После осенней переэкзаменовки, в ходе которой Светлане всячески помогали все учителя, ее перевели в 6-й класс. Радости девочки просто не было предела!

Прошло тридцать лет, как вдруг Емилия Александровна неожиданно встречается на улице с той самой Светланой, красивой женщиной в расцвете сил. После радостных объятий и взаимных воспоминаний Светлана рассказала о себе, что в старших классах у нее появился интерес к учебе, так что после школы она окончила техникум, сейчас работает на инженерной должности, имеет прекрасного мужа, троих детей, семья дружная, она счастлива. После этого она очень разволновалась и сказала: «Если бы вы меня тогда не перевели в шестой класс, я бы со стыда и от горя повесилась...». Вот какую страшную участь готовил ей диавол! Матушка Мария, провидя будущее Светланы и настояв перевести ее в следующий класс, спасла ее душу от вечной погибели.

Больше того, по ее святым молитвам на девочку нашло просветление, она стала тяготеть к наукам и, в конечном счете, с Божией помощью выбралась из нищеты.

Старшая дочь отца Василия Савкова – Надежда – вспоминает, что училась слабо, по математике одни двойки и тройки. Повел ее отец к блаженной схимонахине Марии и велел подойти под ее благословение. Матушка взяла девочку за бедовую голову, погладила и сказала: «Великим математиком будешь»! И все наладилось, учение пошло настолько успешно, что со временем Надежда Васильевна стала незаурядным инженером-рационализатором.

Один врач рассказал, как матушка Мария своими молитвами помогла ему благополучно закончить мединститут. Шли выпускные государственные экзамены, предстоял «самый важный» – по «научному коммунизму». Главный экзаменатор, убежденный, воинствующий атеист, как будто чувствует не сродные ему души, придирается и безжалостно заваливает эти свои жертвы. В понедельник злосчастный экзамен в его группе, и студент приезжает к матушке Марии за помощью. Старица отвечает: «Хай почеше там, де не свербыть (Пусть почешет там, где не свербит)». Благословила парня и отпустила. Тот в недоумении. А тем временем, в воскресенье, этот самый преподаватель купался в Днепре, прыгнул с лодки, та перевернулась и переломила ему руку, да так, что он надолго попал в больницу. Вот и получил загипсованный безбожник «хай почеше там, де не свербыть.» А студен-

ты без него благополучно сдали «его предмет» и получили дипломы врачей. На вражью силу есть сила Божия!

Матушка Мария советовала своим духовным чадам пользоваться такими лекарственными травами, как: тысячелистник, подорожник, чернобривцы, зеленые перья лука; говорила, что в них Богом заложена большая целительная сила. Учила, принимая лекарство, произносить: «Помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю» (Пс. 120, 2).

Из многочисленных случаев исцеления болящих по молитвам старицы Марии приведем следующие.

Нина Ивановна страдала мучительными головными болями, а когда приступы боли стали затяжными, она собралась к врачам. Но перед визитом в больницу, по обыкновению, пошла за благословением к своей старице. А та встречает ее такими словами: «Маешь паспорт, приписана, ну и сиди (Имеешь паспорт, прописана, ну и сиди)». То есть не благословила никуда идти. После посещения матушки боли сами собой исчезли, голова стала светлой, все раз и навсегда прошло.

Марию из Донбасса сковал ревматизм, отказались ходить ноги, пришлось стать на костыли. Ни врачи, ни курорты не помогали. Поехала Мария в Киево-Печерскую Лавру к целебным источникам преподобных Антония и Феодосия. Приезжала в теплое время года, омывала ноги, молилась, плакала, а помощи нет. Здесь же богомольцы посоветовали ей съездить в Святошино к матушке Марии. В очередной раз больная приехала в Киев осенью, в холодную пору, чтобы посетить блаженную старицу. Ма-

тушка Мария благословляет ей ехать в Лавру на источники, мыть ноги. Мария объясняет, что уже была там много раз, да не помогает. А матушка ей опять: «В Лавру на источники!» За послушание старице больная отправилась на костылях в Киево-Печерскую Лавру, омыла ноги ледяной водой... В Киев на костылях, а из Киева на своих ногах! Костыли за ненадобностью бросила. Молитвы матушки сразу же были услышаны Господом и Его Печерскими угодниками. По ее молитвам и за послушание Мария получила полное исцеление.

В доме Зинаиды Федоровны, где жила вместе со своей келейницей монахиней Палладией старица Мария, произошел следующий случай исцеления двух бесноватых. В глубинке России независимо друг от друга двум одержимым нечистыми духами женщинам в сонном видении явилась Богородица и повелела им: «Езжайте в Киев к схимонахине Марии, она вам поможет». Страдалицы едут в Киев, расспрашивают по церквям, где найти старицу Марию и сходятся в Святошино у ее скромного жилища. Стучат: «Тут живет схимница Мария? Мы посланы к ней...». Мать Мария говорит присутствующим в доме: «Становитесь и читайте Богородице Дево». Бесноватые кричат, войти в дом не могут. Блаженная дала одной пирожок, а другой молоко. Потребили и кричат: «Отравила пирожком, молоком». Пали, как неживые. Потом пришли в себя. Матушка Мария говорит им: «Идите в Лавру, исповедуйтесь и причаститесь». Обе женщины еще приходили к ней, благодарили старицу за исцеление. Очевидицей из-

гнания бесов была ныне здравствующая Людмила, дочь Зинаиды Федоровны.

Вскоре после этого у блаженной парализовало ноги, и она перестала ходить. Для ее Причащения святых Христовых Таин стали приглашать священников на дом. В один из дней пришел к матушке отец Полихроний – известный лаврский духовник, начальствующий в Дальних Пещерах. Он, как и многие лаврские монахи, хорошо знал и очень уважал старицу. Для исповеди перед причащением их оставили в комнате одних. Но, что это? Время идет, прошло полчаса, час, а келейницу все не зовут. Старицу еще никогда так долго не исповедывали... Мать Палладия потихоньку отворила двери келии и увидела следующую удивительную картину: отец Полихроний молча стоит перед матушкой Марией, голова его опущена, руки дрожат, лицо раскраснелось, из глаз потоком текут слезы. Она поспешила затворить двери и стала ждать. Вскоре ее позвали к причастнице. Батюшка находился в каком-то особенном состоянии глубокой задумчивости и сокрушения. Его еле уговорили сесть за стол и покушать. После того, как отец Полихроний благоговейно попрощался со старицей, он растроганно сказал Палладии: «Не я исповедывал матушку, а она исповедывала меня. Все, даже давно забытые мои грехи перечислила, все из души моей вытрясла. Какая сила Божественной благодати!»

Светлая кончина

Блаженная старица схимонахиня Мария всего на десять лет пережила свою великую предшественницу старицу Серафиму.

Готовясь к отшествию в мир иной, она некоторое время не говорила, а затем стала просить своих ничего не подозревающих духовных чад: «Спрашивайте меня!»

Несущая подвиг Христа ради юродивой еще с отроческого возраста двадцатитрехлетняя блаженная девица Екатерина († 6/19 февраля 1997 года) прозорливо послала свою мать Анну Моленко из Петривцив в Святошино попрощаться со старицей Марией. Она сказала своей труженице-маме дословно следующее: «Що ты пораешся в огороди? Йды у Святошино, попрощайся з матушкою Мариею, такой на земли вже не будэ! (Что ты возишься в огороде? Иди попрощайся с матушкой Марией, такой на земле уже не будет!)» Анна пришла к матушке Марии и передала ей эти Катины слова.

За несколько дней до своей кончины старица послала монахиню Палладию за такси. Дело было ночью и найти в эту пору такси в Святошино было практически невозможно. Но мать Палладия, выйдя на дорогу, увидела стоящую свободную машину такси, попросила водителя подождать. Матушка Мария объездила со своей келейницей Палладией и послушницей Александрой (Власенко) все святые места Киева, не переставая в голос молилась Божией Матери о спасении города и живущих в нем людей. Вернулись в Святошино. На счетчике выбило 20 рублей. Именно столько было на руках у матери Палладии. Расплатились. А матушка еще сокрушалась, что не дали водителю сверх должного. Больше денег просто не было. Счастлив же тот водитель, которо-

го сподобил Бог послужить напоследок великой старице, поучаствовать в ее последнем молитвенном подвиге за всех и за вся!

16/29 июля 1953 года в 4 часа утра благолепная старица схимонахиня Мария отошла ко Господу. Это произошло в Святошино, в доме Зинаиды Федоровны Машко на улице Совхозной. Когда Зинаида Федоровна побежала за живущими недалеко от них монахинями, чтобы те помогли матери Палладии приготовить матушку Марию к погребению, она ясно слышала в небе неподражаемый звон колокольчиков.

В час светлой матушкиной кончины Христа ради юродивый блаженный прозорливец Андрей видел, как светящимся столпом возносилась в горнее ее душа, и во время ранней обедни в Почаевской Лавре в присутствии знакомых киевлян подает большую просфору о ее упокоении и во услышание всех с ликованием восклицает: «Великая! Великая! От земли до небес! Сейчас в Киеве преставилась схимонахиня Мария. Вот смотрите, как праведники уходят! Как молния вознеслась ее душа в Царствие Небесное!»

Покойница лежала во гробе, как живая, непричастная тлению. Священник Кондрат, пришедший отпеть матушку Марию, взглянув на нее, тут же отошел в святой угол, молясь с воздетыми руками.

В полдень 17/30 июля траурная процессия двинулась к Святошинскому кладбищу. Первым несли большой образ Царицы Небесной, за ним – хоругви. Почившую матушку несли на своих плечах отец Полихроний из Киево-Печерской Лавры, отец Василий, отец Кондрат, отец Мирон, отец Симеон, отец Феодор. Гроб

с телом старицы окружали монахи Лавры, монахини Покровского и Флоровского монастырей. Вся улица была запружена народом, так что стали машины, остановился трамвай. Множество рук тянулось ко гробу – люди с благоговением прикасались к нему, как к святыне. Гроб и дорогу усыпали цветами. Двигались медленно, с частыми остановками, так как одна за другой служились заупокойные литии. Когда тело матушки Марии вносили в кладбищенские ворота, людской поток только-только освободил трамвайную линию и пересек шоссе. Громкое церковное пение едва заглушало плач, вздохи и причитания провожающих. Во время последнего целования люди трепетно прикладывались не только к ручкам, но и к ножкам старицы Марии, почтительно уступая друг другу дорогу. Гроб после этого стал влажным от слез.

Перезахоронение матушки Серафимы

Матушка Серафима пророчески говорила, что у нее будет два гроба и похоронят ее в Святошино. И матушка Мария неоднократно говорила об обретении мощей своей великой старицы.

Вскоре после войны та территория, на которой погребли послушницу Александру, была отрезана от монастыря стеной соседнего с ним завода. Заводская администрация не разрешила делать перезахоронение. Так и лежит мученица под заводской землей. Другую часть территории Флоровского монастыря отрезали под строительство воинской части. В 1954 году матушкины чада стали хлопотать перед властями о ее перезахоронении и получили разрешение. Приготовили склеп рядом с могилой матушки Марии и ночью перенесли в гробу мощи старицы Серафимы на

Святошинское кладбище. Отец Никола Самойлович отслужил после этого панихиду.

По свидетельству участвовавшей в этом перезахоронении Валентины Филипповны Оболонской, гроб матушки Серафимы почти полностью сгнил и распался на трухлявые куски, одежда и тело старицы истлели, скелет же, волосы на голове и монашеский головной убор сохранились хорошо. Монахиня Палладия перенесла эти драгоценные мученические останки на новое белое полотно, аккуратно обернула их и с помощью присутствующих уложила в заранее приготовленный гроб[5]. Вся эта процедура происходила очень скромно и сосредоточенно, под наблюдением представителей советских властей и органов безопасности.

Монахиня Палладия так поясняла возможную причину истления матушкиного тела: «Власти дали разрешение на перезахоронение схимонахини Серафимы, как жертвы фашизма, но предупредили, чтобы в случае обретения полностью нетленных мощей, гроб немедленно закопали и не устраивали при этом никаких «митингов и процессий». Вот почему Господь и попустил останкам старицы Серафимы частично истлеть. Без этого их попросту не разрешили бы перевезти в Святошино». Во всем есть своя логика. Была она и у богоборчески настроенных властей: разре-

[5] Как уже говорилось, монахиня Палладия пришла на послушание к старице Серафиме по указанию святителя схиархиепископа Антония (Абашидзе), но блаженная тут же благословила ей стать келейницей у своей духовной преемницы Михаилы. Когда же будущая старица Мария пришла вместе со своей келейницей попрощаться с готовящейся к мученичеству Серафимой, та горячо благодарила послушницу своей преемницы удивившими ее словами: «Как ты мне хорошо послужила!» Сама Палладия поняла их в переносном смысле, но как показало будущее, она действительно послужила мощам великой старицы Серафимы.

ши они перезахоронить нетленные мощи известной подвижницы за пределы более-менее контролируемого ими монастыря и надо будет держать специальный наблюдательный пункт на Святошинском кладбище, а с костями что возиться?[6]

В ночь перезахоронения Фаина Александровна видела матушку Серафиму во сне. Будто бы она лежит на постели у стенки возле своей старицы. Матушка Серафима обратилась к Фаине со словами: «Я тебя закрою в сундучок» и еще что-то говорила про мощи святой великомученицы Варвары. Через сорок с лишним лет Фаина Александровна, по-прежнему живя в Святошино, недалеко от почитаемых ею старческих могил, поломала ногу. Будучи одиноким человеком, она болела, лежа на своем одре возле стенки, украшением которой служил большой матушкин портрет. Когда Фаина умерла ее похоронили в «сундучке» в ногах ее великих стариц. Относительно мощей святой великомученицы Варвары каждый теперь знает, что они в плену у самосвятов и, скорее всего, именно об этом, как историческом указании дней предсмертной болезни и кончины, открыла Фаине в памятную ночь перенесения своих честных останков старица Серафима. Бог весть!

Скорые в помощи

Еще при жизни матушка Серафима предсказывала, что на ее могиле будет часовенка, как она ее называла «капличка». И еще говорила: «Кто меня будет помнить и просить о помощи, тому помогу. Приходите ко мне на могилку». И это свое обещание

[6] Но за могилами на Святошинском кладбище власти все-таки «приглядывали».

блаженная выполняет неукоснительно до сего дня. Также и матушка Мария обещала никогда не забывать за гробом тех, кто прибегал при жизни и будет прибегать по кончине к ее молитвенной помощи. На просьбу Василия Лаврентьевича: «Матушка, не забывайте нас!», – ответила: – «Никогда не забуду!»

При изложении приведенных кратких воспоминаний мы руководствовались тем, что знакомящийся с засвидетельствованными фактами верующий или ищущий Православную веру читатель сумеет в глубине своего сердца дополнить изложенное тем высоким, что стоит за всем бывшим в житии и за гробом этих великих таинников Божией благодати, которых Господь сил промыслительно воздвиг на свещницу церковную, да светят всем. Если смутят кого-то отдельные дерзновенные слова или поступки исповедниц, пусть вспомнит таковой, что блаженные под видом мнимого безумства возвещали в мире Истину так, как Господь Лицом к лицу открывал Ее им. По плодам же прожитой обеими старицами жизни мы можем определенно судить о том, что они как тогда имели, так и поныне продолжают иметь особое дерзновение перед Пресвятой Богородицей и Небесным Царем. Их же молитвами Они спасают и обращают к Себе многих и многих.

Из многочисленных случаев чудесной помощи свыше, оказываемой людям у старческих могилок, приведем лишь некоторые.

В Свято-Покровский женский монастырь Киева до недавнего времени на все утренние и вечерние церковные службы ходи-

ла одна почтенная супружеская чета, пришедшая к Богу при следующих скорбных обстоятельствах. В «безбожные» хрущевские годы их единственный и любимый сын, как активный комсомолец, откликнулся на призыв партии ехать на комсомольскую стройку, в Сибирь, в тайгу, во имя очередных «великих свершений». Там юноша трагически погиб, придавленный спиленным вековым деревом. Родителей известили об этом горе и сообщили, что погибший будет похоронен на месте за государственный счет. Второе известие оказалось для них еще горше первого. Потерять сына и не иметь возможности прийти и поплакать на его могиле, ухаживать за ней до конца своих собственных дней, оказалось слишком мучительным. Отец стал добиваться, чтобы то, что осталось от его сына, привезли в Киев, но не тут-то было. Ему наотрез отказали и напомнили его собственный долг, долг члена партии – он был коммунистом. В отчаянии родители пошли в ближайший храм, им оказался Покровский женский монастырь. Кого просить о помощи и как просить? Хотя старица Мария уже несколько лет как почила, кто-то из верующих посоветовал им обратиться к ее многолетней келейнице матери Палладии.

Они разыскали ее в Святошино. Нельзя было без сострадания смотреть на уже немолодых людей, пришедших за помощью к рабе Божией. Келейница блаженной повела несчастных на старческие могилки. Горяча же была их первая в жизни молитва! Через самое короткое время убитым горем родителям пришла срочная телеграмма, а в ней: «Встречайте гроб с сыном»!

За это старческое благодеяние они всем сердцем прилепились к церкви. Отец сдал свой партийный билет и стал самым ревностным прихожанином направившей его к Богу обители...

Прихожанка храма святителя Николая на Соломенке Мария прибегла к молитвам стариц о чадородии. По наущению собственной матери муж уже совсем собирался ее оставить, как бесплодную. Отчаянию Марии не было границ. Она заболела, слегла в больницу и там, в больничной палате, услышала поведанную ей историю жизни Киевских великих матушек Серафимы и Марии, узнала, где они покоятся, и направилась к ним. Святошинское кладбище, вечер; не у кого спросить о месте матушкиных могил. Мария взмолилась Божией Матери, стала ходить от могилы к могиле и нашла искомое! Плакала и стенала, просила стариц о помощи, спасении семьи. Вдруг отчетливо раздался младенческий плач. Но вокруг никого! Плач невидимого младенца был ответом свыше на ее слезную молитву. Мария стала приходить на заветное место и ждать встречи со знавшими матушек людьми. Так она дождалась Емилию Александровну, которая чаще других бывала на могилках, ухаживала за ними со своей мамой. Среди духовных чад, знавших великих стариц при жизни, после того памятного вечера в Святошино Мария стала своей. Воцарился мир в семье, родился первенец Николай, затем дочка Таня. По молитвам блаженных стариц Серафимы и Марии Бог благословил и этот дом.

Келейница блаженной старицы схимонахини Марии монахиня Палладия у могил великих Киевских старец Серафимы и Марии на Святошинском кладбище в день их ежегодного поминовения 16/29 июля.

Также по молитвам уже покойных старец благополучно разрешилась от бремени внучка их духовного чада Анны Черной. Предстоящие ей роды вызывали большие опасения у врачей, но, вопреки ожиданиям акушеров, сам собой отпал вопрос о готовящемся кесаревом сечении: слабая здоровьем женщина быстро и безболезненно родила здорового ребенка.

Когда вышеупомянутый отец Василий Савков уже готовился к переходу в вечность, ему наяву явилась покойная старица Серафима и велела распорядиться похоронить себя в одной ограде с ней и старицей Марией. Это по тем временам было практически невозможно – он даже не был жителем Киева, но привыкший к послушанию матушке при жизни, он оказал его своей пер-

вой наставнице и перед лицом смерти. Отец Василий передал матушкины слова своей супруге, та – дальше, и послушница Александра (Власенко) за послушание отдала только что преставившемуся иерею († 5/18 мая 1966 года) свое собственное место возле могилы матушки Серафимы! Так, за святое послушание, батюшка был погребен там, где ему указали. Умер отец Василий блаженно. Его дочь – Надежда Васильевна – рассказывает, что перед самой папиной смертью в комнате вдруг стало светло и тепло, а у его кровати как будто явилось Солнце. Отец Василий улыбнулся, произнес: «Владычица была», – и тихо скончался.

Хотя область видений является небезопасной и требует по причине возможных вражеских мечтаний самого осторожного к себе отношения, нельзя умолчать о трех событиях, о которых своей совестью свидетельствуют уже покойная Вера Андреевна Савкова – вдова отца Василия и Емилия Александровна Старченко, ухаживающая за могилками чтимых стариц. Все они касаются общественного значения посмертной памяти блаженных, многолюдно совершаемой на их могилах 16/29 июля каждого года, начиная со дня преставления старицы Марии.

Вскоре после кончины отца Василия Вера Андреевна впервые попала на кладбище ко дню поминовения стариц и, увидев у их могильной ограды многолюдство и обильные приношения, задалась вопросом: «Зачем это нужно? Почему панихиды служатся именно здесь? Не лучше ли ограничиться поминовением в храме?» В ответ на возникшее недоумение она видит во сне богатый ковер, от края до края уставленный яствами, видит рядом с ним

покойную старицу Серафиму. Блаженная обращается к ней со словами: «У нас здесь всего много, но пусть приносят. Эта их жертва передается Богу». Ковер с приношениями возносится к небу.

Летом 1954 года в день посещения Свято-Покровского женского монастыря и матушкиных могилок на Святошинском кладбище Емилия и там, и там получила «велие духовное утешение». По возвращении домой она прилегла отдохнуть и видела в тонком сне нечто дивное. Будто бы она с мамой снова на кладбище, они стоят в длинной очереди людей к матушкиным могилкам. Каждый из входящих в заветную ограду кланяется могилам стариц и выходит, не мешая встречным. Наступает очередь Емилии. Она входит в ограду с крестообразно сложенными на груди руками и замирает, потрясенная увиденным. Между крестами матушкиных могил возносится ввысь величественный иконостас со Священными изображениями Святой Троицы, Божией Матери и Святителя Николая. Перед ним теплится огромная белая лампада в красных вишнях, висящая на золотых цепях. Раздается благостный голос Господа нашего Иисуса Христа: «Это православная церковь на воздусе, и каждый, кто приходит сюда, получает благодать Божию и благословение». При этих словах чья-то невидимая рука обмакивает в лампаду кисточку и знаменует ее лоб крестом. Емилия поворачивается к матушке Марии, лежащей в схиме поверх могилы и прикладывается к рукам старицы. Они теплые, мягкие. После этого прикладывается к ручкам возлежащей над своей могилкой старицы схимонахини Серафимы. Потрясен-

ная увиденным Емилия открывает глаза и еще чувствует себя в кладбищенской ограде. Столь сильное благодатное переживание она восприняла, как несомненное свидетельство Божие о святости места упокоения двух Его верных и «благоразумных дев», при жизни скрывавшихся под видом «дев юродивых».

Без малого через полвека после этого видения Емилия Александровна в канун дня памяти матушек 1993 года видела следующий знаменательный сон. В оградке на месте своей могилы во весь рост стоит одетая в схиму живая матушка Мария, рядом с ней на месте своего упокоения также во весь рост стоит одетая в схиму живая матушка Серафима. К одной и к другой старице поочередно подходят люди и вручают небольшие простыни. Матушки их разворачивают, молятся и передают мужчине, стоящему в изголовье их могил за оградой. Тот поименно поминает пришедших и их усопших, и складывает эти простыни в длинную эмалированную белую ванну для стирки. Лица матушек розовые, глаза исполнены разума и жизни. От усердных трудов по лицу матушки Серафимы катится крупный пот. Наступает очередь Емилии. Ее простынка тоже далеко не белая, покрыта темными пятнами. Она восклицает: «Матушка! Я столько ее стираю, а она все грязная!» Старица отвечает: «Если бы беда была только в тебе, то это еще не так страшно, но посмотри, что за тобой делается». Емилия оглядывается. За ней большая толпа народа: родственников, знакомых и незнакомых; все в мольбе, глаза прикованы к матушкам, а губы шепчут и кричат: «Помогите, помогите!»

В день поминовения стариц одна женщина не успела на панихиду и пришла на кладбище уже затемно вечером. Она горячо помолилась у могилок блаженных и собиралась домой, когда увидела древнюю годами старицу во всем белом. Она обратилась к опоздавшей: «А я тебя так долго ждала здесь и теперь тебя провожу». Женщина говорит ей: «А где вы, бабушка, живете? Идемте ко мне». Старица Серафима (а это была она) отвечала: «Я здесь живу» и стала невидима.

В июне 1994 года скромные матушкины могилы посетили бывшие в Киеве афонские священномонахи. Они специально приехали в Святошино, чтобы отслужить панихиду в память этих великих подвижниц.

Прошло около десяти лет и на Святошинском кладбище появилась организованная церковная община.

Создавший здесь приход священник Глеб Помелов вспоминает о сделанном ему старицей Алипией (Авдеевой) предсказании насчет Святошинского кладбища.

Он только пришел к Богу и принял Таинство Крещения, и теща решила повести его к матушке Алипии. Он говорит: «Мы приехали к ней. Увидев меня она стала читать какие-то молитвы, потом петь надо мной «Царице моя преблагая, но не с начала молитвы, а со слов «скорбящих радосте, обидимых покровительнице, – много раз одно и тоже, – скорбящих радосте...». Взяла просфору с вынутыми частичками, подала ее мне и замолчала...

Теща еще что-то спросила матушку обо мне, но та благословила нас и мы ушли. Спустя два года я поступил в Одесскую се-

минарию и со временем, приняв таинство Священства, стал служить в приходах Киевской епархии. В 1996 году по благословению Блаженнейшего Владимира, митрополита Киевского и всея Украины я создал приход в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радосте» на массиве Нивки и вскоре узнал, что на Святошинском кладбище покоятся блаженные старицы Христа ради юродивые схимонахини Серафима и Мария. Я стал регулярно посещать это святое место.

Спустя год скончалась матушка Алипия, и на ее могилке стали совершаться многочисленные панихиды.

На Нивках был создан еще один приход святых апостолов Петра и Павла, где я и подвизался.

В конце 2002 года у меня на приходе начались некоторые неприятности. Я не знал, что мне делать, как поступить. Поехать к духовнику? Этого я не мог сделать – он живет очень далеко, за пределами Украины... И тогда я поехал к матушке Алипии помолиться на могилке.

На следующий день я пришел на Святошинское кладбище к матушкам Серафиме и Марии, и увидел, что на небольшом иконостасе вместо Казанской иконы Божией Матери, находившейся там до этого, висит икона Божией Матери «Всех скорбящих радость». И тогда я подумал: «Это и есть ответ на мои вопросы». У меня есть документы на приход «Всех скорбящих радость» – значит нужно здесь строить храм. Благочинный благословил со словами: «Церковь на этом кладбище необходима». И вот сейчас на этом месте действует приход. А что касается пророчества ма-

тушки Алипии 1984 года, то я могу это событие трактовать так: увидев меня, старица сразу начала молиться – и по ее молитвам я стал священником, ее «причитания» как будто в присутствии покойника – означают то, что мое служение будет проходить в кладбищенском храме, а молитва, которую она пела, означает название прихода – в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость».

Блаженные старицы и сегодня нас помнят – они обещают никогда не забывать в загробной жизни тех, кто прибегает к их молитвенной помощи.[7]

Матушка Мария пророчествовала: «Придет время, и откроют мощи убиенной старицы Серафимы». Но они две едино. Настала пора прославить их в сонме Киевских святых на благо верным чадам нашей многострадальной Православной Церкви. И они не закоснеют в помощь и защиту. Блаженнии старицы и исповедницы схимонахини Серафимо и Марие Киевские, молите Бога о нас!

[7] Удовиченко В.Ф. Савчук А.Н. Стяжавшая любовь. Посвящается блаженной памяти монахини Алипии Голосеевской (Авдеевой). – Киев: Благотворительный фонд «Возрождение святынь», Издательство «Профер». – 2004. – С. 130-132.

Блаженные старицы убиенная схимонахиня Серафима и схимонахиня Мария, почивающие на Святошинском кладбище города Киева,почитаются не только лично знавшими их киевлянами, но и многими православными из других городов и весей Украины и за ее пределами. Залогом такого широкого почитания являются многие случаи благодатной помощи обеих подвижниц прибегающим к ним с верою.
Старицы, еще при жизни получившие от Бога дары прозорливости, чудотворения, исцеления болящих, изгнания бесов, и за гробом оказывают эти благодеяния страждущим, во славу Божию. «Прославляющих Меня прославлю», – говорит Господь, и слово Его верно и истинно.

Перед панихидой у могил блаженных Киевских старец схимонахинь Серафимы и Марии 16/29 июля 1999 года.

Духовные чада старец и самые искренние их почитатели.

Емилия Александровна Старченко в ограде любимой ею «церкви на воздусе».

Часть II.

Блаженная девица Екатерина

(По воспоминаниям духовных чад Христа ради юродивой старицы).

Предисловие

Для достойного противоборства лукавым духам и их земным клевретам и для пророческого служения в нашем падшем мире Бог и Господь всяческих возлагает на особых Своих избранников и избранниц поистине ратный духовный подвиг юродства Христа ради. Что именно побуждает Бога остановить Свой высочайший выбор на том или ином человеке, остается для нас тайной. Ясно только, что Его Божественный выбор всесовершен, и жизненный крест истинных чад Божиих полностью соответствует силам таких «крестоносцев». Если задуматься над тем, почему это служение Богу и Его людям определяется не словами «юродство ради Бога» (вообще) или «мнимое юродство», а однозначно рассматривается, как «юродство ради Христа», то станет понятно, что такое вольное мученичество за весь мир: за всех ближних и дальних, знакомых и незнакомых, верных и неверных, благодарных и неблагодарных, спасающихся и гибнущих людей – сродни самоотверженному подвигу Основоположника нашего спасения, Сына и Слова Божия Иисуса Христа.

Христа ради юродивых Церковь прославляет как блаженных. Блаженная Ксения Петербургская, великие Дивеевские блаженные Пелагия, Паша и Мария, Московская блаженная Матрона, Киевские блаженные Серафима, Мария, Ольга и Алипия – благоразумные девы, подвигом добрым подвизавшиеся и спасавшиеся под видом юродивых дев.

В Своей притче о Царствии небесном (Мф. 25, 1, 6-7, 10) Спаситель уподобляет его *«... девам яже прияша светильники*

своя и изыдоша в сретение жениху. ... Полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите в сретение его. Тогда воста-ша вся девы тыя, и украсиша светильники своя. ... Прииде жених: и готовыя внидоша с ним на браки, и затворены быша двери». Эти слова Христа с буквальной точностью исполнились на нашей современнице, Киевской подвижнице, блаженной девице Екатерине (Моленко), преставившейся ко Господу в возрасте 67 лет *в полночь* с 5/18 на 6/19 февраля 1997 года, в церковный день памяти преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

Истоки

Блаженная родилась в 1929 году во время непрекращающихся страшных гонений на Православную Церковь. Ее родиной стало село Петривцы близ древнего Вышгорода, освященного пребывавшими в нем мученическими останками святых благоверных братьев-князей Бориса и Глеба, сыновей равноапостольного Владимира Крестителя Руси.

Кроме дочери Екатерины у Трофима и Анны был еще сын Феодосий. Бедность и самый простой крестьянский быт этой трудолюбивой украинской семьи, их неприметность сохранили Моленко в годы повсеместных репрессий. И в годы голодомора Трофим и Анна благодарили Бога за то малое, что имели, не теряли драгоценной своей веры в Воскресшего Христа и в свободное от тяжелых повседневных трудов время тянулись в Киев к его святыням.

Анна с самых ранних лет водила Катю к известной всем

православным киевлянам прозорливой старице схимонахине Серафиме, просила ее святых молитв за себя, супруга и детей, очень дорожила добрым отношением блаженной к ее маленькой дочке.

Испытания же, выпадавшие на бедный наш народ, не прекращались, следуя одно за другим. Пришла война. Вскоре после ее начала схимонахиня Серафима предсказала Анне, что ее отроковица чудесным образом уснет на сорок дней, и что ее следует особенно оберегать в это время. Кроме того, старица сообщила об этом предстоящем событии одному старому киевскому профессору и обязала его быть с Богом избранной отроковицей как можно осторожней. Даже угрожала ему тем, что он будет отвечать за нее перед Богом своей собственной головой.

А время шло. Наступило лето 1943 года. По Петривцам разнеслась молва о том, что у Моленко накрепко уснула тринадцатилетняя Катерина. Причем, всем было ясно, что она не просто обмерла или впала в забытье, а пребывает своим чистым девственным духом в горнем мире и созерцает его непостижимые тайны. Весть об этом необычайном происшествии дошла и до оккупационных властей. Всех интересующихся происходящим и любопытных стали прогонять подальше от места события. Сами же заходящие в дом немцы испытывали непонятное внутреннее беспокойство. Для медицинского заключения ими был привлечен упомянутый выше профессор. Осмотрев пациентку, он высказался в том смысле, что Екатерина Моленко впала в летаргический сон – редкое состояние, представляющее большой интерес для науки. Так как спящая отроковица уже продолжительное время

ничего не ела и не пила, профессор назначил ей зондовое питание. Но Катя так плотно сжимала свои зубы, что покормить ее во время сна так никому и не удалось.

Христова избранница чудесно проспала ровно сорок дней. Но и после этого она не ела еще некоторое время. Только подползала к лежавшим на земле возле их домика спелым грушам, брала их в руки, вдыхала аромат и клала на прежнее место.

Мать спрашивала дочку о том, что она видела *там*, но Екатерина отвечала, что многое видела: *рай* и *ад*, но ничего рассказывать ей об этом не будет.

Когда Анна пригласила приходского священника, чтобы причастить сильно ослабевшую телом Катю, та отругала мать за то, что она ввела к ним в дом «волка в овечьей шкуре», самосвята, а не священника; после этого разделась и бегала по селу, терпя позор и поношения от своих домашних и односельчан. Так совсем юная девица начала свой подвиг Христа ради юродства и стала известна как Екатерина из Петривцив, которая спала сорок дней.

В подвиге

Как может проявляться подвиг юродства в тринадцатилетнем человеке? Странностью поведения, несвойственным возрасту воздержанием в сне, пище и питии, лишением себя самого необходимого в одежде, даром прозорливости, чудотворения, характерной для всех истинных Христа ради юродивых бранью с нападающей на них нечистой силой, победой над бесами. Да, все это стало неотъемлемой частью Катиной жизни, но и не только

это. Все в ней под видом внешней грубости и простоты было растворено любовью к людям, например, к ее сверстникам.

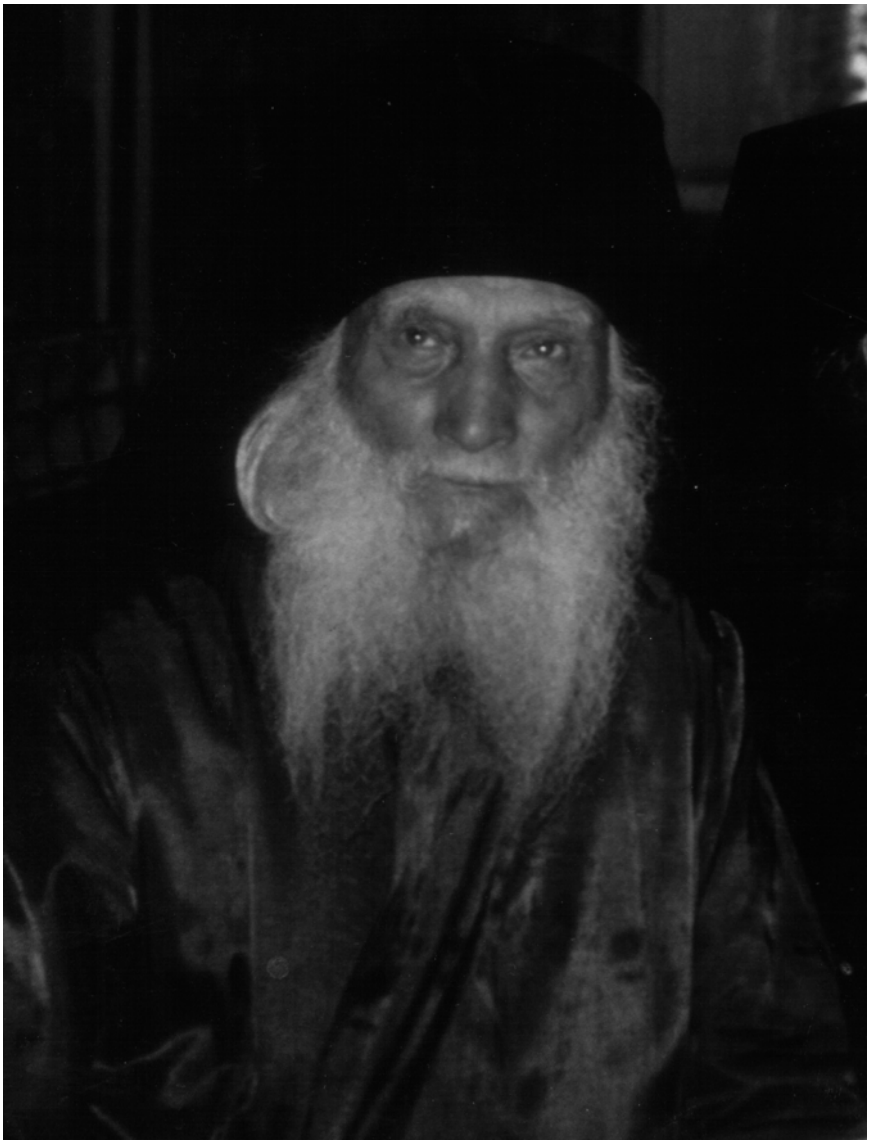
Как-то Катя стала свидетельницей разговора подростков-односельчан на берегу пруда. Они восторгались красотой лилии, лежащей на водной глади и думали о том, как бы ее сорвать. Блаженная стремглав побежала к цветку по воде, сорвала его и принесла детям. Так же быстро и легко она могла пробежать по штакетнику забора или тыну. Юродивая Екатерина парила над землей подобно небесной птице.

После первого случая обличения нечестивого священника-самосвята в блаженной стали замечать явные признаки удивительной прозорливости. Но ее воспринимали не как гадалку, а как рабу Божию. Разумные уважительно относились к Катерине и с пользой для себя прибегали к молитвам, совету или не менее красноречивому приточному действию своей односельчанки. Те же, чья совесть была запятнана перед Богом, со злобой ополчались на не званную пророчицу. Блаженную несколько раз помещали в Кирилловскую психиатрическую больницу в Киеве. Там Екатерину Моленко признали душевнобольным инвалидом детства.

Преследования властей и злых людей в родных Петривцах вынудили Екатерину переселиться вместе с матерью, двоюродным братом Михаилом и его женой в лесную чащу недалеко от Водогона, связывающего Вышгород с Киевом, в ветхую глиняную мазанку-хатку с соломенной крышей.

Старица старца

Впервые о существовании матушки Екатерины я узнал от насельника Одесского Свято-Успенского мужского монастыря игумена Симеона (Титенкова).



Старец Симеон (Титенков) – духовный сын блаженной Екатерины.

Как-то выходя из братского монастырского корпуса от игумена Андрея (Машкова), я обратил внимание на очень пожилого благообразного монаха, который держал свою руку на груди так, как ее держат только больные сердцем. Как студент второго курса медицинского института я поинтересовался его самочувстви-

ем. Старец Симеон, а это был он, проницательно взглянул на меня, спросил, чем я могу ему помочь, и пригласил для беседы в свою келью. Сейчас я не могу вспомнить то, о чем мы с ним говорили, но после нашего первого короткого общения я всецело привязался к этому старцу и считаю, что та наша встреча была самой важной в моей жизни.

Отец Симеон действительно страдал частыми сердечными приступами и очень высоким артериальным давлением, как потом выяснилось, он на ногах перенес инфаркт. Старцу периодически измеряли давление и удивлялись таким его показателям, как 240/180, а он отмечал про себя, что у него были и более страшные приступы, когда он просто горел огнем. Это медицинское отступление необходимо для того, чтобы объяснить тяжесть его состояния и то мужество и веру, с которыми отец Симеон переносил это испытание, попущенное ему Богом. Болезнь эта была местью лукавых духов за то, что он однажды заочно вычитал одного подполковника, страдавшего беснованием и, к горю своих родных, совершенно не ходившего в церковь. По их горячей просьбе старец стал вымаливать этого несчастного у Бога и полностью освободил его из бесовского плена. Ставший здоровым подполковник пришел в Успенский монастырь поблагодарить своего избавителя. А мстительные лукавые духи напали на престарелого игумена, чтобы свести его в могилу. После этого случая блаженная матушка Екатерина передала ему из Киева такие слова: «Отец Симеон! Упал – поднимайся!» И, что удивительно, за послушание своей старице и по ее молитвам к Богу игумен

Симеон прямо на моих глазах быстро пошел на поправку, так и не ложась не то, что в городскую больницу, но, даже не посещая свою монастырскую лекарню. А было ему тогда за восемьдесят лет.

Я по возможности часто навещал своего старца, обладавшего высоким молитвенным духом, дарами прозорливости и совета. Он делился со мной своими воспоминаниями и очень скорбел, что не может лично посетить почитаемую им матушку (которая по возрасту годилась ему в дочери), так как уже давно не покидал своего монастыря. Отец Симеон хорошо знал и очень почитал и преподобного схиигумена Кукшу (Величко), и преподобного схиигумена Амфилохия (Головатюка) Почаевского, и Киево-Печерских старцев Кронида, Полихрония (схиархимандрита Прохора) и Герасима, и старца-странника Феодора (Носа) в монашестве Серафима, и старицу инокиню Ольгу из Флоровского монастыря в Киеве; посещал и старицу схимонахиню Марию (Димарову) из Святошино, но блаженная Екатерина занимала в сердце старого подвижника особое место. Она была его старицей.

Отец Симеон познакомился с блаженной Екатериной еще в пятидесятые годы, когда жил в миру, имел семью и звался Павлом. Сразу же оценив высоту ее духовной жизни, Павел стал навещать блаженную в ее лесной халупе на Водогоне, чем мог – помогал матушкиной маме и тетке. Он жил тогда во Львове и специально приезжал к киевским святыням и к матушке Екатерине, так как очень дорожил ее молитвами и советами. И было от

чего!

Не записывая то, что он мне рассказывал, и, не собираясь тогда с кем-то делиться этими батюшкиными воспоминаниями, я, тем не менее, ярко запомнил то, что он мне говорил. Это упрощалось тем, что отец Симеон повторял мне свои рассказы про матушку по несколько раз. Вот некоторые из них.

«Я тебя прикрываю».

Чтобы прокормить семью, Павел, нелишенный коммерческой жилки, скупал облигации государственного внутреннего займа у всех желающих получить за них побыстрей наличные деньги. В эту самую пору он посетил матушку, которая оставила его ночевать в соседней с ней комнатке. Несмотря на жару, старица стала накрывать спящего Павла с головой одеялом. Ему стало невыносимо жарко, и он сказал об этом блаженной. Екатерина ответила: «Я тебя прикрываю».

В Киеве Павел собрался остановиться у своих дальних родственников, но застав у них гостя сомнительного вида, не стал задерживаться и нашел пристанище у других людей. Уже потом выяснилось, что как только Павел ушел от родных, к ним нагрянула милиция, которая следила за человеком, скупающим у населения облигации. Его самого упустили из виду, а вот гостя, который оказался без паспорта, задержали. Так матушка действительно «прикрыла» Павла от больших неприятностей.

В Кирилловской больнице

И вновь блаженную Екатерину определили в больницу для душевнобольных. Павел, узнав об этом, очень тяжело переживал

такое злоключение своей старицы, стремился помочь ей, как-то скрасить ее пребывание в неволе с действительно душевнобольными и вызволить матушку оттуда. В больнице Павел отрекомендовал себя двоюродным братом блаженной по матери, и его пускали к Екатерине как ее родственника. Правда, при этом возле их скамейки, как бы ненароком, оказывались два-три соглядатая, внимательно следившие за всем происходящим.

«Палач фашистский».

Один из сотрудников этой психиатрической больницы очень жестоко обращался с больными и буквально истязал их. Блаженная обличила его совсем неожиданными словами: «У, палач фашистский! Скоро и до тебя доберутся!» И что же? Его очень скоро разоблачили, как пособника немцев на оккупированных в войну территориях и казнили, как кровавого фашистского палача. Сотрудники больницы, присутствовавшие при обличении Екатериной этого изверга, больше не позволяли себе грубо обходиться с блаженной и даже пальцем ее не трогали.

Мед из Лавры, Сталин и Ленин

Желая поддержать физические силы своей старицы, Павел стал искать в Киеве мед. Но нигде его не находил. Время было тяжелое и голодное. Он сообразил, что можно попросить меду в Киево-Печерской Лавре и, когда пришел туда, увидел полную банку с медом на панихидном столике в храме. Павел стал упрашивать требного священника продать ему этот мед для больной. Но послушный монастырской дисциплине, тот переадресовал просителя к лаврскому духовнику архимандриту Полихронию.

Делать нечего, Павел пошел к названному старцу. Отец Полихроний, узнав, кому предназначается мед, с радостью поспешил в храм, вручил его просящему, поцеловал Павла в лоб и велел ему кланяться Екатерине.

При встрече блаженная поцеловала его в то самое место на лбу, которое так недавно облобызал старец-архимандрит Полихроний. «Прозорливая матушка...» – мысленно умилился Павел. Они вышли на аллею и сели на скамью. Как всегда, рядом появились два наблюдателя.

Павел посмотрел на огромный стенд с наглядной агитацией той поры, стоящий прямо напротив их с матушкой скамейки и увидел на нем привычную политическую пару, в профиль обращенную друг к другу. «Тьфу, гадость – Сталин и Ленин!» – мысленно произнес он. Матушка тут же вслух громко повторила эти его мысли. Следящие за ними даже вздрогнули. Но что взять с болящей? «Так...» – подумал Павел – «... раз нас подслушивают, буду общаться с прозорливицей мысленно». Матушка только кивнула в ответ. Павел раскупорил банку и стал подавать старице маленькой ложечкой принесенный мед. При этом он мысленно просил ее помянуть о здравии старца Полихрония, себя, своих детей, жену. Блаженная послушно принимала мед, пока не дошла до ложечки за жену. Тут Екатерина плотно сжала губы. Павел, опять таки мысленно, взмолился к ней о своей непутевой половине. Старица нехотя, медленно открыла рот и употребила еще немного меда. После этого Павел стал про себя спрашивать то, что требовало матушкиного совета, а она кивала ему в знак со-

гласия или крутила головой на то, что было в его мыслях и планах неправильно. Следившие за таким странным диалогом люди отошли от них ни с чем.

Схимница

Узнав, что Павел собирается навестить блаженную Екатерину в Кирилловской больнице, в попутчицы ему напросилась одна схимонахиня. Павел предупредил ее о том, что для того чтобы их пропустили к Екатерине, ей придется назваться его женой. В приемном покое стали выяснять, кем приходится больной Моленко пришедшая с Павлом женщина. Он назвал ее своей женой, но тут у схимницы восстало тщательно хранимое ее совестью целомудрие, и она заявила, что не приходится Павлу женой и что, вообще, она схимница. Несведущие в таких вопросах больничные стражи поняли это слово, как что-то близкое к свояченице и пропустили к Екатерине обоих.

Как только матушка вышла к ним навстречу, следом за ней на больничную аллею выбежала абсолютно голая молодая женщина из буйно помешанных и бегала так, пока ее не поймали санитары. Потрясенная увиденным схимница стала оживленно разговаривать с матерью этой несчастной. А Павел только подумал о том, на что она тратит свое драгоценное время: пришла ведь к блаженной, а беседует с матерью бесноватой. Тут матушка Екатерина как закричит по-украински: «Тэчэ! Тэчэ!» В ответ на это пришедшая прекратила пустую болтовню и подбежала к блаженной со словами: «Да, матушка, течет!»

На обратном пути Павел расспросил схимонахиню о том,

что значили эти матушкины слова. И она поведала ему следующее. Вскоре после революции она, тогда молодая монахиня, шла по дороге вместе с казначеей их монастыря. Их настигли два конных красногвардейца и решили надругаться над Христовыми невестами. Казначея была слабого здоровья, поэтому не могла сопротивляться напавшему на нее бандиту, и он ее замучил. А нынешняя схимница была покрепче. Она дала отпор, и ее рубанули через все туловище тяжелой кавалерийской шашкой. Монахиня в горячке убежала от своих палачей и, прибежав в мужской монастырь, забилась на его чердак. Ее нашли по струившейся сквозь пол чердака крови и выходили, как Бог дал. Всю дальнейшую жизнь у пострадавшей по всему рубцу открывались раны, из которых обильно текла сукровица, как память перенесенных ей мучений. Об этом и напомнила отвлекшейся от главного схимнице прозорливая Екатерина.

Домой

Наконец-то Павел испросил у врачей разрешение забрать блаженную Екатерину домой. Она лишь сдержанно кивнула ему в знак своего согласия. Наступил долгожданный день выхода матушки на волю. На улице уже лютовала зима.

Павел пришел за старицей вместе с ее теткой Агафьей. Блаженная категорически отказалась ехать домой машиной. Отправились пешком. Но как шла вольная страдалица! Она еле передвигала ногами.

Когда три полузамерзших путника вышли за черту Киева, возле них притормаживала почти каждая обгоняющая их маши-

на, и водители предлагали их подвезти, но блаженная была непреклонна. Агафья взмолилась: «Катя! Смотри – отец Павел (так она его всегда называла) совсем замерз, пожалей нас, пойдем быстрее или давай подъедем». Но Катя скорбно молчала. Шли очень долго.

Когда они поравнялись с жилыми домами, Павел попросил у блаженной разрешения войти в один из них погреться. Екатерина промолчала. Тогда он постучался в первый же дом. Вышедшая к ним хозяйка разрешила путникам погреться, но только не оставаться у себя ночевать. На этом и сговорились. Но, как только матушка Екатерина вошла в этот дом, она взгромоздилась на хозяйкину кровать, стала охать, стонать и даже оправилась на ее постель. Павел так и замер от неожиданности. Что-то сейчас будет! Но хозяйка бросилась в ноги к Екатерине и стала каяться в напомненном ей страшном двойном грехе. Она в молодости согрешила в отсутствии своего мужа с его отцом, зачала ребенка и извергла его из своей утробы. Грешница-хозяйка со слезами вопила: «Прости меня, Господи! Господи, прости!» В это время Екатерина, как будто издалека, отвечала ей: «Иди в Лавру, исповедуйся, и Бог тебя простит». Когда хозяйка немного пришла в себя, она спросила Павла: не Екатерина ли перед ней из Петривцив? Он в свою очередь спросил хозяйку о том, почему она так подумала. Та сказала, что видела в своем святом углу сияющий образ Святой Троицы в тот момент, когда вопияла Богу о прощении своих смертных грехов. Павел только и смог ей на это сказать: «Да, Екатерина».

В этот момент в дверь постучали. Хозяйка в панике закричала: «Не открывайте!» А блаженная говорит: «Откройте – это Мария». Действительно, вошла дочка хозяйки. Матушка обличила и ее. Над Марией в войну надругался немец и она с отвращением исторгла зачатого от него ребенка. Как бы там ни было, а извела человеческую душу. Мария в слезы. И ей велела старица пойти в Лавру к духовнику. Пришедшие в разум хозяева долго не хотели отпускать от себя прозорливую гостью. Но путники отправились дальше домой.

Обличенные во грехах мать и дочь сходили в Лавру, покаялись там во всех содеянных ими лютых, примирились с Богом и часто после этого приходили к блаженной Екатерине за советом и благословением.

Про часы

Как-то Павел пришел к матушке Екатерине и, помолившись, присел на скамью в ее комнатке. Блаженная подошла к гостю, деловито сняла часы с его руки и куда-то ушла из дома. Мать Анна и Павел стали ее дожидаться, но Екатерина не вернулась в хатку ни в этот день, ни в два последующие. Никто не знал, что и думать, когда она вернулась в дом и молча отдала снятые часы Павлу. Вот и пойми!

Через некоторое время жена стала изменять ему с каким-то москвичом, совсем потеряла голову и сбежала от семьи. Единственное, что она взяла с собой в дорогу, были мужнины часы, те самые, которые на время забирала у него блаженная. Павел остался дома в великой скорби по своей неверной супруге, пережи-

вал ее падение, как свое собственное, просил у Бога вразумить ее и вернуть из Москвы обратно в дом к нему и их детям: сыну и дочке. Прошло с полгода и Господь исполнил это его прошение. Разлучивший их москвич сошел с ума и попал в больницу, беглая жена вернулась домой и молча возвратила своему супругу забранные у него часы.

«Тюрьма!»

Побывав у Екатерины в другой раз, Павел услышал от нее предостерегающие грозные крики: «Тюрьма! Тюрьма!» Что-то предвещает ему блаженная? Он очень поскорбел, так как знал о тюрьме не понаслышке. Еще в молодости его дважды арестовывали как «кулацкого сына», и только Господь вывел его тогда из тюрьмы невредимым.

Не так давно его вообще забирали в подземную темницу во Львове, когда его оговорил оперативник НКГБ в связи с явлением образа Божией Матери на оконном стекле Львовского горсовета. Тогда Павла Титенкова насильно привели к «отцам города», которые требовали, чтобы он с балкона отрекся от Бога перед толпившимися на площади львовянами. В тюрьме и в пыточной камере Павла защитила уже Богородица. От него, в конечном счете, отстали и с миром выпустили на свободу. Что же случится теперь?

Павел попросил благословения своей старицы на обратный путь. Она самолично проводила его за порог и неожиданно благословила возвращаться в Киев не знакомой ему дорогой, а более короткой через лесную чащу. Он неуверенно пошел по указан-

ному пути, а затем с большим сомнением повернул обратно в знакомую сторону, пошел к дороге и ... заблудился. Долго бродил в зимнем лесу пока не увидел какие-то огни. Ну, слава Богу, люди! Павел поспешил к огням и вышел к ограждению из колючей проволоки с часовыми на вышках. Падает снег, с вышек ярко светит свет прожекторов. Он начал кричать охраннику на вышке и тут же спохватился, что его могут принять за беглеца и застрелить. Павел смолк, с горячей молитвой к Богу пошел прочь от зоны и вышел на дорогу!

Блаженная старица Екатерина возле своего лесного домика.

Сомнение и непослушание слову блаженной могли дорого обойтись ему. Даже если бы его просто задержали у запретной зоны, Павлу пришлось бы подробно объяснять в «органах», где и у кого он был. А ходить к «болящей» Екатерине власти строго настрого запрещали. За это жестоко преследовали. Ее же молитвами все обошлось. Тюрьма только показалась на его жизненном горизонте. И слава Богу!

Про самолет, танец и удар под дых

Павел часто сопровождал блаженную Екатерину в Киев, помолиться в храме, посетить нуждающихся в ее участии, духовной поддержке или обличении. Как-то на дороге матушка, задрав голову и приложив ладошку козырьком ко лбу, высмотрела летящий в небе самолет, стала приветствовать его, как старого знакомого. После этого она схватила Павла под руки и закрутила в танце. Он неловко сопротивлялся, так как никогда не танцевал и не признавал подобных развлечений. Напоследок Екатерина сделала страшное лицо и очень больно ударила своего спутника под дых. Павел даже присел от боли, у него сбилось дыхание. А блаженная, как ни в чем не бывало, продолжала свой путь. Вот и попутешествовали!

Непутевая жена Павла к этому времени совсем опустилась, запила, попадала в вытрезвитель, откуда ее регулярно приходилось выкупать, а напоследок развелась со своим страдальцем-мужем и стала бродяжничать. Бывший супруг и дети совсем потеряли ее из вида. Павел устроил своего сына в Киеве, он там женился. Дочь, оставшаяся с отцом во Львове, тоже стала невес-

той.

И вот однажды она привела к Павлу своего жениха. Он был летчиком. Любовь дочери вынудила отца выдать ее замуж за этого ее избранника. На свадьбе Павла точь-в-точь, как показывала матушка Екатерина, пытались закрутить в танце. И он точно так же, как и тогда, очень смутился этим и не пошел в пляс. Зять перебрался к ним в квартиру. С его приходом установившийся за долгие годы строй жизни Павла оказался нарушенным.

Летчик купил телевизор и включал его на полную громкость именно тогда, когда хозяин дома молился в своей комнате или читал Евангелие. Охладел пыл к духовной жизни и у дочери. Все это очень угнетало сердце любящего и верующего отца.

Как-то раз Павел напомнил дочке, что надо не забывать читать Слово Божие, и дал ей Новый Завет. Зять тут же включил телевизор. Павел уменьшил громкость его звучания и получил за это от своего зятя сильнейший удар под дых. У уже немолодого человека хрустнули три ребра, и он по скорой помощи попал в больницу.

Павел простил зятя. Но тот стал прилагать зло ко злу, начал приходить домой далеко за полночь, загулял и, так и не исправившись, развелся с дочерью Павла. Вот такая скорбная история.

Пропали документы

Павел был свидетелем того, как матушка выручила из большой беды супруга одной своей духовной дочери. Он был офицером и по роду службы работал с секретными документами. И вот однажды у него куда-то запропастилась папка с докумен-

тами, имеющими гриф «Совершенно секретно». Он все обыскал у себя в кабинете и пришел в отчаяние, близкое к тому, чтобы наложить на себя руки. Офицер решил застрелиться. Когда его верующая жена заметила неладное, он чистосердечно рассказал ей об этой своей беде. Взволнованная женщина бросилась к блаженной. Матушка Екатерина успокоила ее словами: «Найдутся». После ее такого незамысловатого утешения офицер бросился на службу и сразу же нашел в запечатанном своем кабинете ту папку, которую потерял. Радости и удивлению его не было предела. Несмотря на сложности того времени, он решил пригласить блаженную Екатерину к себе домой, чтобы приветить ее и поблагодарить за помощь.

«Бандит Сталин!»

Отправляясь в гости к этому офицеру, Екатерина взяла с собой Павла. Приглашенные вошли в небольшую комнату в офицерском общежитии, там уже был накрыт праздничный стол. Вся семья при полном параде встретила блаженную, а матушка первым делом повернулась ко всем спиной, задрала юбку, шлепнула себя по заднему месту и закричала: «На, папа, смотри!» Мать семейства только укоризненно взглянула на свою дочь, которая не соблюдала приличную девушке скромность и ходила дома «налегке», нисколько не смущаясь своих родителей. Обличенная девица сразу же вспыхнула и покраснела.

Матушку с Павлом усадили за стол. Блаженная совершенно неожиданно и очень громко закричала: «Бандит Сталин!» Офицер потерял дар речи. Что теперь будет? Ведь все соседи слыша-

ли эти крики и наверняка донесут об этом куда следует. Он подхватил Екатерину под руки и стремительно выпроводил из своего дома. В это самое время по радио раздались слова аналогичного содержания и говорил их, всем известный диктор! Началась компания по развенчиванию культа личности отца народов. Офицер, осознав происходящее, бросился за прозорливой Екатериной и так же энергично, почти силком, вернул ее с Павлом к себе в гости. Он горячо просил у них прощения и наконец-то понял, что с истинной рабой Божией нигде не пропадешь.

«Читай Иисусову молитву».

Матушка была делательницей непрестанной Иисусовой молитвы и очень ценила это в приходящих к ней людях. Она радостно и очень нежно обнимала молившегося, улыбалась ему. Соответственно строго Екатерина относилась к тем, кто проявлял небрежение к молитве или помышлял скверное. Испытал на себе самом это и Павел. В гостях у блаженной он стал помышлять что-то неподобное, всеваемое в его душу врагом спасения. Матушка не подбежала, а прямо-таки подлетела к нему, со страшным хлопком ударила Павла по щеке и тем самым прекратила вражеское наваждение. Он не ощутил никакой боли, а лишь услышал хлопок, как от удара бичом. Павел со слезами просил у старицы прощение. Блаженная Екатерина строго отвечала ему: «Читай Иисусову молитву!» Эта молитва, подобно бичу, отгоняет от ее делателя лукавых духов и их приражения.

В храме Божием

Как уже говорилось, Павел не раз сопровождал свою бла-

женную старицу в Киев на Богослужение. Однажды он наблюдал, как матушка исповедывалась незнакомому ей приходскому священнику. Когда подошла ее очередь и голова Екатерины склонилась под епитрахилью, блаженная что-то долго говорила батюшке, а он внимательно слушал ее и заметно изменился в лице. Прочитав разрешительную молитву, священник проводил Екатерину долгим взглядом. Старица в свое время причастилась святых Христовых Таин. После заамвонной молитвы этот священник почтительно поднес ей большую служебную просфору, которую матушка тут же передала в руки Павла. Один Бог знает о подробностях той памятной для священника и Павла исповеди. Таинство остается таинством.

Иоанн Воин

Павел был очевидцем еще одного удивительного случая. Во Флоровском женском монастыре куда-то пропала Следованная Псалтирь: была вместе с другими необходимыми книгами на клиросе – и не стало. Сестры очень огорчились такой потере. Тем более, что в те времена церковно-богослужебных книг в обителях недоставало. Искали, спрашивали друг друга и пришли к печальному выводу о том, что монастырская книга украдена. В таких случаях обычно заказывают молебен святому мученику Иоанну Воину – охранителю от татей и возвратителю украденного. Монахини по копеечке собрали лепту на такую требу и соборно молились святому страстотерпцу во время служения этого заказного молебна. Не успели они разойтись из храма, как в него вошла с иконкой Иоанна Воина в руках блаженная Екатерина. Первым

подошедшим к ней старица заявила, что она – Иоанн Воин. Сестры стали наперебой жаловаться блаженной о постигшей их пропаже, что у них украли Псалтирь. Матушка Екатерина подойдя к одной из них, ударила ее по щеке и объявила: «Вот Псалтирь!» Обличенная монахиня упала на колени со слезами раскаяния: «Матушка! Бес попутал, и я ее взяла!» Так через прозорливицу святой Иоанн возвратил на клирос пропавшую книгу учителя покаяния пророка Давида.

Невидимая брань

Вслед за своим старцем я стал сердечно почитать блаженную и переживал рассказываемые им случаи ее благодатной помощи ему, как свои собственные. Помню, как отец Симеон в одно из моих посещений радостно сообщил мне, что и я, и вся моя семья приняты в старческий круг, матушка Екатерина молится за нас и даже передала нам гостинчик.

Уже упоминавшийся мной игумен Андрей (Машков) был «сослан» духовником в Свято-Архангело-Михайловский женский монастырь в селе Александровке подальше от любимой им Свято-Успенской Одесской мужской обители. Отец Андрей просил Архиерея помиловать его и возвратить в Одессу, но митрополит Сергий (Петров) под давлением властей всякий раз отказывал ему в этом.

И вот, когда батюшка в очередной раз посетил свою одесскую келью, чтобы забрать в Александровку оставшиеся в ней иконы, я встретил его и решил посоветовать скорбящему монаху попросить матушкиных святых молитв для исполнения самого

заветного в то время его желания. Отец Андрей, сидя на топчане в своей келье, глубоко задумался над моими словами, сказанными ему от полноты любящего сердца и со свойственной молодому человеку горячностью и верой.

В этот самый момент и произошло то, что я оказался в эпицентре невидимой брани, углами которой были блаженная матушка Екатерина из Киева, сосланный в Александровку игумен и буквально ворвавшаяся в его келью «старая дева», прибывшая неизвестно откуда. Она совершенно неестественной скороговоркой обрушилась на задумавшегося было священномонаха. Стала рассказывать о сонном видении своей девицы-сестры, из которого выходило, что не стоит ей принимать монашеских обетов, чтобы не попасть в гееннский огонь, куда прямо на вагонетках катились многие виденные ей во сне современные монахини. И вдруг, как гром среди ясного неба, совершенно не к месту в рассказанной ей истории не званная гостья выпалила, глядя прямо в глаза отца Андрея: «А знаете, что Киевская Екатерина не смогла подойти до Причастия?»

Вот это оперативность! Не успели подать батюшке дельный совет, как тут же последовал контрудар присутствовавших при нашем разговоре невидимых сил.

Во время монолога пришедшей женщины я стоял за ее спиной и сразу же после ее слов про блаженную воскликнул: «Это неправда!» Она сразу обернулась ко мне и спросила: «А что? Она великая?» Не ведая тогда аскетического значения таких слов, я отвечал: «Не знаю великая она или нет, но только советую вам

тут же, прямо сейчас попросить у нее прощение!» Женщина молчала. Я подошел к отцу Андрею, попросил его благословения и, прощаясь, сказал: «Батюшка, решайте сами!» Выйдя из келии, я почувствовал себя совершенно разбитым физически. Как будто лукавый коснулся меня своим черным крылом. Немедля отправился я к отцу Симеону и рассказал ему все, что только что было. Он подбодрил меня, но был грустней и молчаливей обычного. Я же проболел после этого полтора месяца. Все мне было не мило, тоска и уныние одолевали меня. Потом все прошло, искушение кончилось. Остался первый опыт встречи с невидимым темным миром.

Отец Александр

Отец Симеон за полтора года до своей кончины был пострижен в схиму с именем преподобного Амвросия Оптинского. Он очень желал, чтобы я проторил дорожку к матушке Екатерине, но показать ее мне тогда было некому. Схиигумен Амвросий мирно отошел ко Господу 10/23 апреля 1990 года в возрасте девяноста лет.

В день похорон Бог сподобил меня вместе с братией нести гроб старца из Свято-Успенского храма на монастырское кладбище и даже держать один из канатов, которым его опускали на дно могилы.

И как же утешил меня Господь в эти скорбные минуты! Сразу же после погребения ко мне подошел отец Александр, недавно переехавший в Одессу из-под Киева. Он утешал меня в потере старца, которого хорошо знал, сообщил, что собирается к

матушке Екатерине и обещал взять с собой, когда поедет к блаженной.

Впервые у матушки

В конце сентября 1990 года отец Александр позвал меня в дорогу. В это самое время я болел затяжным гриппом и очень страдал от этого. Но о том, чтобы отложить долгожданную поездку к матушке, не могло быть и речи. В Киев летели самолетом и прибыли засветло. Не теряя времени, сразу же поехали на Святошинское кладбище, поклонились могилкам великих Киевских стариц схимонахинь Серафимы и Марии.

Был яркий солнечный день и от этого по дороге с кладбища грипп буквально «вытекал» из меня через нос и глаза. Я щурился, ничего не видел и без конца вытирал лицо от болезненной влаги сразу двумя платками. Несмотря на эту хворь, батюшка повел меня в гости к духовной дочери обеих названных стариц и их преемницы матушки Екатерины Фаине Александровне Прохода, которая в это самое время переезжала в новую квартиру неподалеку от идущего под снос ее финского домика. Задержались там недолго, чтобы расспросить ее про блаженную и отправились к еще одной послушнице старицы Марии престарелой Александре Власенко, которая охотно приняла нас на постой. Не терпелось поскорей повидать старицу Екатерину, и мы немедля отправились к ней самой.

После поворота на Водогон сошли с вышгородского автобуса возле небольшого магазина у поселка энергетиков и по чудному сосновому бору прошли на территорию дачного товарищест-

ва, которое стремительно выросло вокруг матушкиного домика. Нашли и его. У калитки нас встретила двоюродная сестра старицы Екатерины Дарья. Она узнала отца Александра и пошла спросить у блаженной, что делать с нежданными гостями. Вышла со словами: «Помолитесь, пока нельзя». В это самое время матушка прильнула к зарешеченному окну своей комнатки и глянула на нас. У меня по всему телу прошла трепетная дрожь. «Вот она, матушка, у окна» – чуть ли не прокричал я отцу Александру. Блаженная отошла вглубь комнаты и еще несколько раз поглядывала в приковавшее все мое внимание окошко. Она что-то говорила при этом и вид ее был самым что ни на есть серьезным. Вскоре за тем Дарья пригласила нас к Екатерине. Первым вошел отец Александр. Я положил три земных поклона и отворил дверь к старице. Она уже ждала моего появления и, сидя на кровати, внимательно смотрела в мою сторону. Я подошел к ней под благословение, и матушка сразу же вручила мне кусочек сладкого сдобного калача. Затем блаженная по-доброму рассмеялась и сказала про меня, делая ударение на втором слове: «Он *знает* Амвросия».

Старица приняла нас дружелюбно, хотя перед самым нашим приходом грозно воевала с лукавыми духами. По очереди разговаривала она с батюшкой и со мной. На мои вопросы отвечала, как мне показалось, невпопад, что-то говорила про епископа и студентов. Кто мог подумать тогда, что через пять лет я снова стану студентом и буду учиться в Московской Духовной Семинарии под началом ректора-епископа?! Затем она усадила ба-

тюшку на стул, как профессиональный зубной врач запрокинула ему голову, открыла рот, стала осматривать зубы и, оглянувшись на меня, сказала (имея в виду мою труженицу-маму): «Зарабатываю на кусок хлеба». Блаженная Екатерина многократно благословляла нас обоих и негромко восклицала что-то одобрительное в наш адрес.

Схиигумен Амвросий (Титенков) в своей келье за год до кончины.

Для удобства общения я встал перед старицей на колени. Екатерина с удивлением посмотрела мне в глаза и совершенно неожиданно со всего маху ударила по левой скуле. От такого удара я шатнулся в правую сторону. А присутствовавшие при этой сцене батюшка и только что вошедшая монахиня Киевского

Флоровского монастыря в один голос посоветовали мне подставить и правую щеку. Когда я выполнил это, матушка сказала: «Хватит с тебя и одной».

Тут на меня нашли слезы, которые лились потоком. Я рыдал и просил у блаженной помолиться за моих домашних: сестру с мужем и детками, мать и отца, который болел раком мочевого пузыря и уже перенес в марте сложную операцию. Я омывал слезами матушкины стопы и вытирал их своими щеками. А она кивала головой и с великой скорбью смотрела на меня. Такого сострадания, какое виделось в ее взгляде, я не встречал никогда! Про отца блаженная однозначно сказала: «Больница, операция...» и очень образно очертила своими руками большую опухоль внизу своего живота. Дала для него половину круглого серого хлеба и подытожила: «Еще поживет». Я сразу же успокоился. Потом она засучила рукав своего халата, начала брать из локтевой ямки щепотками воображаемую «соль» и, поглядывая на меня, стала присыпать ей низ своего живота. Это она проделала на моих глазах трижды. Под конец нашей первой встречи матушка молча помолилась в святом углу и отпустила нас с миром. Перед уходом я попросил у блаженной разрешения переслать врученный мне калачик сестре с детьми. Она кивнула в знак своего согласия. Возвращаясь в Киев, я осознал, что грипп, мучивший меня полторы недели, прошел. Матушка одним ударом своей руки исцелила меня!

На следующий день мы с отцом Александром побывали на акафисте у мощей святой великомученицы Варвары, на Звере-

нецком кладбище посетили могилы блаженной инокини Флоровского монастыря Ольги и богоносного старца-архимандрита Ионы, в схиме Петра, строителя Троицкого Киевского монастыря, посетили Святую Лавру. Не переставая лил дождь, похолодало, но у меня не осталось и следа недавней лютой простуды. Более того, я совсем не болел после этого около года.

Вернувшись домой, я разрезал калачик на мелкие кусочки, высушил их и переправил в Москву сестре. С этим калачиком там произошла целая история. Мой племянник дал маленькую его частичку своему отцу, отличавшемуся неистовым нравом. Тот охотно принял его из рук своего маленького сына, проглотил и вдруг изменился в лице, заволновался и с негодованием заявил: «Отравить меня хотите? Ничего теперь не буду дома есть и пить!» Так его лукавая сердцевина проявила себя от маленького кусочка самого обычного хлебца, благословленного старицей Екатериной. Он жег утробу закоренелого грешника подобно горящему углю! Бедняга действительно ничего не ел и не пил в своем доме около двух недель. Только после этого успокоился и перестал выказывать признаки духовной внутренней брани.

Отец

Как и предсказывала матушка, уже двенадцатого октября отцу срочно понадобилась повторная операция – у него открылось сильное кровотечение из рецидивировавшей после первого хирургического вмешательства опухоли. Несмотря на послеоперационное облучение, она выросла как на дрожжах примерно до тех размеров, которые изображала своими руками внизу живота

блаженная Екатерина.

Операция делалась по жизненным показаниям. Молитвами старицы он перенес ее хорошо. Уже на двенадцатый день отца выписали домой. Но через две недели он попросил у меня судно, чтобы помочиться, – и это притом, что в результате обеих операций его мочевой пузырь был «отключен» и урина, обходя его, поступала по специальным трубкам от почек в мочеприемники. Я напомнил об этом своему многострадальному родителю, но он настаивал поставить ему резиновый катетер. Каково же было мое удивление, когда по катетеру из мочевого пузыря выделился полный детский горшок кровянистой жидкости! У отца произошло массивное кровотечение из опухоли на фоне выраженного исходного малокровия.

Я бросился в свою больницу, договорился по телефону со станцией переливания крови, получил на него *три флакона донорской крови*, кровезаменители, и в домашних условиях в течение целого дня восполнял ему смертельно опасную кровопотерю. Состояние отца несколько улучшилось. И тут я ясно вспомнил то, что показывала мне блаженная матушка Екатерина своими *тремя щепотками*. Она же предсказала отцу то, что сейчас с ним произошло, в том числе и *три* флакона донорской крови, которая берется из локтевой вены, перелитых для восполнения кровопотери из опухоли внизу живота!!! Сразу же после ноябрьских нерабочих дней отцу вынуждены были сделать третью операцию, которую не решались делать в оба предыдущих раза из-за большого риска того, что он ее не перенесет. Но папа перенес ее дос-

тойно. Дивен Бог! Остается добавить, что отец с верой, как лекарство, употреблял маленькие сухарики того серого хлеба, который я привез ему от блаженной. Он умер через десять месяцев после моего посещения матушки – 14/27 июля 1991 года. Почил, как православный христианин: своими страданиями и верой заметно очистил свою душу и Причащением святых Христовых Таин заблаговременно приготовился к встрече с Богом.

«Достойно есть»

И во второй раз мы с отцом Александром летели в Киев и обратно домой самолетом. Прибыли всего на один день и начали его с визита к матушке Екатерине. Старица приняла нас очень хорошо, благословила ухаживавшей за ней в тот день Марие Совской покормить нас и во время трапезы стояла или прохаживалась рядом. Еще она выглядывала в свое оконце, как будто высматривая кого-то, оглядывалась на нас и что-то недовольно бормотала в чей-то адрес. Казалось, что Екатерина с нетерпением ждала кого-то и бранила его за опоздание. Потом она подошла ко мне и стала с очень озабоченным видом измерять своими руками мое левое плечо в длину и в ширину и напоследок удовлетворенно кивнула головой. Когда нам надо было собираться в дорогу, блаженная громко и напевно исполнила молитву Богородице «Достойно есть».

Попрощались, благословились и поехали на квартиру к уже престарелой послушнице Александре (Власенко). Она чуть ли не с порога предупредила батюшку, что собирается помирать и настаивала, чтобы он в этот же приезд забрал у нее довольно боль-

ших размеров Киево-Печерскую икону Успения Божией Матери, которую оставлял на хранение. Образ этот когда-то принадлежал духовнику Киево-Печерской Лавры архимандриту Полихронию и не раз являл свою чудотворную силу. Очевидцы рассказывали отцу Александру, что видели икону саму собой поднимавшейся на воздухе. Писанная маслом, она находилась в деревянной раме под стеклом и, несмотря на свою безыскусность, невольно приковывала к себе самое благоговейное внимание. Отец Александр поручил мне упаковать икону в бумагу, а сам отправился к своему близкому другу-батюшке, живущему в соседнем квартале. До отправления самолета оставалось полтора часа. Мы с Александрой обложили образ листами бумаги, подклеили их уголками друг к другу и перехватили упакованную икону шпагатом. Я попробовал поднять ее – вес получился довольно приличный. Шпагат для переноски не годился. Тогда пришлось взять и подвязать покороче, наподобие ручки ту веревку, на которой икона столько лет надежно висела на стене. Я навязал на ней множество узлов и, кончив дело, стал дожидаться своего спутника. Его все не было. До вылета из Киева оставалось уже менее часа. Стала заметно волноваться и нервничать и послушница Александра. Она поначалу выходила на лестничную клетку и выглядывала батюшку в окно парадной, затем спустилась вниз и смотрела его на дороге. Время быстро бежало вперед. Отца Александра все не было. Тут нас как будто прорвало, и мы стали роптать на него за необдуманность его поступка. До самолета оставалось уже тридцать пять минут, полчаса. Мы негодовали. Когда батюшка возвратил-

ся, мы только и смогли, что укоризненно смотреть на него и даже не надеялись успеть на самолет, счет уже шел на минуты. Отец Александр быстро распорядился насчет иконы: ее должен был в спешке нести именно я. Ручка была свита и готова, но воспользоваться ей, как ручкой не пришлось – икона была слишком велика. Пришлось срочно надевать ее на плечо. Веревка стала больно теснить его, но мы в быстром темпе отправились в путь. Не доходя до дороги, я почувствовал, как веревка как будто бы лопнула, но нет – это сам собой развязался один из завязанных мною узлов, и веревка удлинилась как раз по моему плечу. Мы тут же остановили машину и минута в минуту успели к концу регистрации билетов на наш рейс. Я так и не выпускал икону из своих рук, держал ее в салоне самолета, затем в машине, которой мы ехали к отцу Александру, и благополучно донес ее до самого порога батюшкиного дома. Моя миссия на этом закончилась.

Утром следующего дня я почувствовал, что что-то саднит над моим левым плечом, осмотрел его и увидел кровоподтек от веревки. Только тогда я ясно вспомнил все, что произошло с нами в минувший день в Киеве. Вспомнил и поразился матушкиной прозорливости и заботливости о нас грешных и о вверенной нам великой святыне. Вспомнил все и воспел ту самую молитву Божией Матери «Достойно есть».

Фаина Александровна

В связи с необходимостью часто бывать в Киеве и всякий раз останавливаться здесь на несколько дней, мне пришлось обратиться за помощью к Фаине Александровне Прохода. Она, не

задумываясь, пригласила меня под свой кров и как родная бабушка старалась обойти своего нового знакомого и гостя.

Фаине Александровне уже исполнилось восемьдесят лет, но ум ее по-прежнему был ясен. Вместе с покойным супругом Василием Лаврентьевичем она всю свою сознательную жизнь преемственно окормлялась у стариц Серафимы, Марии и Екатерины и очень почитала всех трех блаженных, прекрасно помнила все чудесные события в жизни их семьи, связанные с ними. Екатерину Фаина Александровна знала с ее четырнадцати лет. Именно в этом возрасте она впервые увидела свою будущую старицу у матушки Серафимы.

После мученической кончины блаженной схимонахини Серафимы, последовавшей в ноябре 1943 года, Фаина по прямому указанию своей первой великой старицы стала окормляться у бывшей ее многолетней келейницы, старицы схимонахини Марии (Димаровой). В это время она ближе узнала совсем еще молоденькую блаженную Катю Моленко, которая регулярно приходила к старице Марии и, как смиренная послушница, выполняла все ее душеполезные указания и поручения.

Екатерина рано пришла в меру духовного возраста своих великих предшественниц. Еще двадцатитрехлетней девицей она прозорливо предсказала скорую кончину блаженной схимонахини Марии и велела своей матери пойти попрощаться с этой великой подвижницей, равной которой после нее уже не будет. После упокоения старицы Марии в июле 1953 года, для Фаины, как и для подавляющего большинства прочих духовных чад стариц

Серафимы и Марии, вопроса о том, у кого окормляться в дальнейшем, не было. Все уже успели по достоинству оценить их молодую преемницу.

Екатерина благословила Фаине приходить к ней непременно вместе с Татьяной из Святошино и Екатериной, родившейся в уже известных нам Петривцах и считавшей себя поэтому матушкиной односельчанкой. Блаженная даже не принимала их, когда это правило нарушалось.

Из огромного числа рассказанных Фаиной Александровной историй приведу лишь некоторые.

Фаина с мужем жили в своем частном домике в Святошино. Детей у них не было. Уже пожилой супружеской паре, как участникам войны, установили телефон, которым при необходимости пользовались все их соседи. Однажды, когда они посетили блаженную Екатерину, она повела своих гостей на опушку леса, подошла к стоящему на ней пню срубленного дерева и стала «звонить по телефону». Одной рукой прозорливица «держала» воображаемую телефонную трубку и вела основной разговор, а другой рукой время от времени поднимала «параллельную ей трубку» и показывала, что кто-то мешает звонить, вмешивается в телефонный разговор, нарушает связь. Вскоре после этого у них начались неприятности с домашним телефоном, причем все разворачивалось именно так, как показывала старица. К их номеру подключились агрессивно настроенные соседи «с деньгами», которые нагло попирали интересы законных владельцев телефона. Когда Фаина пожаловалась на это матушке, Екатерина благосло-

вила им потерпеть. Испытание прекратилось лишь тогда, когда их микрорайон телефонизировали для всех желающих.

С другой соседкой у четы Прохода не сложились бытовые личные отношения. Она теснила их своим забором, постоянно углубляла его на их приусадебную территорию. Не прекращались дрязги и скандалы. Враг «доставал» их через близко живущего человека. Оставалось вежливо увещевать соседку, терпеть и ждать. В одно из посещений блаженной Екатерины, она вынесла и вручила Фаине с Василием старую столовую ложку. Как потом выяснилось, этим матушка благословила им взять на полный пансион одряхлевшую злую соседку и досмотреть ее до конца. Многолетняя вражда обернулась миром и почти родственными отношениями. За благословение старицы Фаина с мужем досмотрели беспомощную соседку и похоронили ее на Святошинском кладбище.

Фаина Александровна отличалась величественно красивой внешностью. Муж ее очень любил и иногда ревновал к окружающим, хотя никогда и никакого повода для этого не имел. Когда Фаина вышла на пенсию, супруги пришли к матушке и она спела им украинскую песню про *дивчину вэсэлу*, у которой были *на лоби воши*. Вскоре Фаину Александровну, как квалифицированного инженера, пригласили поработать летом на строительстве автомагистрали под Тернополем. Блаженная благословила, и Фаина поехала. Враг спасения стал донимать Василия Лаврентьевича чувством ревности и сомнениями насчет честности своей жены. Фаина Александровна вернулась из командировки домой с

праведно заработанными деньгами и заметила что-то неладное в своем муже. Стали чувствоваться его недоверие и отчужденность. Супруги пошли к Екатерине. Блаженная в присутствии Василия подошла к Фаине, долго всматривалась в ее глаза и, обернувшись к нему, заключила: «Честная!» Тут только для Фаины стало ясно, чем так терзался все эти месяцы ее бедный муж. В семью вернулись доверие и мир.

В ночь с 27 на 28 сентября 1986 года матушка Екатерина стала рваться из своей комнатки наружу, поразбивала оконные стекла и сильно изранила ими свои руки. Она кричала: «Комсомольцы, сталинцы! Горим! Помогите! Горим! ... Сгорели!» Это продолжалось несколько часов кряду. Истекающая кровью блаженная так и не дала перевязать полученные ею глубокие порезы. Раны заживали без всякого лечения. Вскоре стало известно, что в это самое время случился пожар в Московской Духовной Школе, и в нем погибли пять ее учащихся. Екатерина своим прозорливым духом участвовала в этой трагедии, молилась за пострадавших. Как выяснилось, причиной пожара стала халатность делавших сварку рабочих, которых и называла старица комсомольцами и сталинцами, погубившими жизни пятерых будущих пастырей. Вечная им память[8].

---

[8] Владыка Павел (Лебедь), архиепископ Вышгородский, ставший в 1994 году Наместником Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры на вопрос корреспондента газеты «Православная Москва» вспоминал об этой трагедии так: «На день Воздвижения Животворящего Креста в Троице-Сергиевой лавре произошел пожар. В огне оказалось 68 студентов семинарии и академии, священнослужителей. Я с пятью сокурсниками попал в самое пекло. Мои товарищи сгорели заживо, я пробыл там около двух часов. Сквозь затуманенное сознание, молясь Богу, я услышал: «Возьми его!" И вдруг, придя в себя, увидел открывающееся окно в наглухо заколоченной когда-то давным давно стене. Я шагнул в открытое пространство. И остался жить. Позже узнал, что когда все почти

Во время Чернобыльской катастрофы матушка Екатерина скинула с себя всю одежду и с криками: «Пожар! Снимайте и меняйте одежду!» – подняла всех находящихся в доме. Примерно три года до этого и продолжительное время после аварии блаженная особенно строго постилась. Всем приходящим к ней духовным чадам Екатерина сильно сжимала щитовидную железу, защищая ее от губительного лучевого воздействия. Никто из них не заболел. А Киев, как известно, пострадал даже меньше, чем более удаленные от Чернобыля земли.

Фаина Александровна еще вспоминала случай исцеления матушкой ее гноящегося пальца. После укола рыбьей костью у нее развился панариций указательного пальца кисти, который, несмотря на несколько операций, прогрессировал и углублялся. Фаина пришла к Екатерине, развернула свой распухший и обезображенный палец и попросила старицу: «Матушка! Полечи меня!» Та смачно плюнула на него, а Фаина с верой наложила сверху свою старую повязку. И все! Воспаление прошло, палец зажил. Не пробуйте лечить панариции своей слюной. Будет только хуже. Тогда произошло чудо исцеления старицей ее беспомощной духовной дочки. Вера, действительно, познается по исцелению.

Василию Лаврентьевичу матушка от имени его покойных стариц обещала пошить белые ризы. Вскоре у него случилась гангрена ноги, пришлось перенести ее ампутацию. Василий мно-

---

потеряли веру в наше спасение, отец Елевферий (*Диденко*) из последних сил пробил в стене дыру». («Православная Москва» № 10 (16) август 1994 г. «Наша награда на Небесах. Интервью с Наместником Киево-Печерской Лавры»).

го молился, сидя в своем домашнем кресле, и однажды видел, как ожили и моргали веками глаза Божией Матери на Ее литографической иконе «Прорекшей афонскому иноку Косме». Когда страдалец умер, поехавшие сообщить блаженной эту скорбную новость, застали матушку Екатерину, молящейся за новопреставленного Василия перед столиком, уставленным разнообразной снедью и свечами, как это делается обычно на панихиде.

После того, как низложенный митрополит Филарет (Денисенко) ушел в раскол, оставив за собой Свято-Владимирский кафедральный собор и целый ряд других храмов Киева, и лишил чад канонической Украинской Православной Церкви возможности ходить туда на молитву, старица Екатерина поспешила перейти из келии, где подвизалась долгие годы в соседнюю, незанятую комнату и заявила, что будет находиться теперь только в ней. Ни единого разу блаженная не переступила порога *так символично* оставленной ею храмины. В своем новом жилище и отошла она ко Господу.

Во время правительственного кризиса в Москве, когда политическое противостояние закончилось расстрелом «Белого дома», я находился по делам в Киеве и, вместе с Фаиной Александровной и Марией Совской, был очевидцем того, как старица буквально умирала за гибнущих там людей. После необычно затяжной брани с невидимыми силами зла матушка Екатерина, бледная, как смерть, лежала *на самом, что ни на есть краю* своей кроватки и чуть не падала с нее. При этом блаженная, все и всегда делавшая с сокровенным смыслом, не позволяла отодвигать

себя от опасного края вглубь ее ложа. Сразу же после прекращения случившегося в далеком от нее городе страшного кровопролития, Екатерина стала выглядеть и чувствовать себя, как обычно.

Мать Рафаила

Без преувеличения, самой близкой к покойной старице была монахиня Свято-Покровского Киевского женского монастыря мать Рафаила (Ивлева) – ровесница блаженной Екатерины. В силу сложившихся монашеских традиций она, знавшая более всех, сообщала об этом скупее прочих и только то, что касалось далекого прошлого или уже умерших матушкиных чад. При этом, как при жизни, так и по кончине старицы, мать Рафаила поглядывала на ее фотографический портрет, как бы испрашивая разрешения блаженной рассказать что-то, касающееся ее жизни и подвига. Но и этого малого вполне достаточно, чтобы составить живое и яркое представление об усопшей Христовой избраннице.

Блаженная девица Екатерина бывала в келье, которую занимала тезоименитая ей старая монахиня со своей келейницей Рафаилой. Старица даже ночевала у них. Об этом мать Рафаила вспоминает с особенной теплотой.

Блаженную разместили на кровати возле стены, завешенной ковром с изображением Христа, держащего на Своих руках заблудшую овцу. Екатерина, живущая впечатлениями горнего мира, поменялась лицом, когда стала смотреть на это изображение. Она протягивала к нему свои руки и как будто кормила овечек, стоящих у ног Спасителя. Лицо ее переливалось разными цвета-

ми и сияло, отражая ее благодатное состояние. Погруженная в созерцание Божественного, подвижница невольно позволила присутствующим в келье внимательно наблюдать за происходящим. Но вдруг блаженная оглянулась вокруг себя и на монахинь и приняла свой обычный «юродивый» вид.

Уступив Екатерине свое келейное место, Рафаила устроилась на ночлег на полу. Ей не спалось. Среди ночи монахиня увидела над матушкиным лицом небольшого парящего ангела, собеседующего с ней. Не может, по слову Спасителя, укрыться град, стоящий на верху горы и свет свечи, стоящей на свещнице светит всем, имеющим духовное зрение.

Мать Рафаила по возможности часто посещала блаженную в ее доме. Как-то раз она вместе с еще одной монахиней еле спаслась бегством от преследования военных, захотевших их обесчестить. После этого старица назидала ее одеваться в город не по-монашески, а нейтрально – в пестрый платок и мирское платье: «С волками жить – по-волчьи выть».

Рафаила несла послушание регента, поэтому ей надо было приходить в храм Божий загодя, ориентируясь не по звону кампана, а по часам. В монастыре для того, чтобы обзавестись самым необходимым, приходилось рукодельничать на продажу, например, шить стеганные одеяла. Со скудных заработков она купила себе наручные часы. Но, как на грех, шли они неточно и никакой ремонт не помогал. Матушка-регент даже задумала выбросить их, как негодные. В один из дней посещения старицы, Рафаила заметила, как матушка, подсев к ней, чуть слышно до-

тронулась до неисправных часов своими пальцами. И – о, чудо! – они стали работать без отставания, как будто их кто-то качественно отремонтировал.

Как-то в присутствии матери Рафаилы к блаженной пришла женщина, для вразумления которой Екатерина выставила прямо на стол пару ботинок. Та, озадаченная уехала домой и там узнала, что умер ее муж.

Пожар в Покровском монастыре

Не утаил Бог от Своей рабы и предстоящее Покровскому женскому монастырю огненное испытание – пожар в его Свято-Никольском соборе. Еще загодя блаженная Екатерина, обращаясь к насельнице этой обители матери Рафаиле, сообщила: «Донечко, пожэжа. Пожэжа (Доченька, пожар. Пожар)». Затем матушка несколько раз пропела кондак иконе Божией Матери «Неопалимая купина».

Собор загорелся от удара молнии. Ни для кого не секрет то, что таким грозным образом были прекращены нестроения и вражда, воцарившиеся было в святой обители. И как горячо молилась тогда Екатерина о прекращении разбушевавшегося в святом храме огня! Плакали и молились сестры, и пели кондак «Неопалимой купине». Пожар потушили. Долго ремонтировался собор, но, тщанием матушки-игуменьи, стараниями и трудами сестер обители, храм Божий был восстановлен в лучшем и более благолепном виде, с настенными росписями и, что самое удивительное, тайком от вездесущих тогда советских властей.

«Жидовеночек»

Что может чувствовать сорокачетырехлетняя монахиня, когда прозорливая старица предвещает ей рождение «Ребеночка-жидовеночка»? И еще приговаривает при этом: «Да, да – родишь!» Можно и запаниковать в такой ситуации в ожидании какой-то беды. Но не к беде, а к пользе душевной предвещала блаженная это рождение, действительно совершившееся по времени, но не телесно, а духовно.

Мать Рафаила (Ивлева).

Пришло время, и в 1973 году Рафаила познакомилась с Людмилой, приехавшей посетить Киевские святыни. Эта женщина жила со своей матерью и братом в Нижнем Новгороде, но часто посещала Свято-Троицкую Сергиеву, Свято-Успенскую Почаевскую Лавры и горячо молилась Богу, чтобы Он указал ей наставницу из монашествующих. Увидев Рафаилу на клиросе Ки-

евского Свято-Покровского монастыря, Людмила твердо остановила свой выбор именно на ней. Рафаила стала поддерживать с Людмилой дружеские отношения и из рассказанного ей о себе и своей жизни узнала, что за чернявость сотрудники по работе дразнили Людмилу «Жидовеночком»!

Только в 1978 году Людмила решилась обратиться к матери Рафаиле с просьбой стать ее духовной дочерью. О чем, о чем, но об этом Рафаила и вовсе не помышляла. Что делать? Монахиня спросила совета своей блаженной старицы и получила ее полное одобрение. По ее же благословению Рафаила познакомила Людмилу с блаженной матушкой Екатериной, заранее позаботившейся о «Жидовеночке». Блаженная тепло встретила ее и среди прочего называла по фамилии, которую, как и другие подробности ее жизни, раба Божия могла знать только по дару прозорливости. Людмила по несколько раз в году навещала мать Рафаилу и старицу, а в остальное время вела с ними переписку.

Жизнь христианская сопровождается испытаниями и скорбями, которые заставляют горячее обращаться к Богу за помощью и защитой. Откуда только мир не пытается уязвить нас! Терпимо дома – тяжело на работе, терпимо среди чужих – невыносимо тяжело с самыми близкими родными. Людмиле доставалось от родного брата, который пил горькую и обижал борющуюся за его исправление сестру. Когда она посетила старицу, та сказала Людмиле: «Скоро тебя никто-никто обижать не будет». И действительно, прошло совсем немного времени, и брат умер. Незадолго перед своей кончиной он рассказал Людмиле, как од-

нажды к ним в квартиру пришла Монахиня с юношей и долго молча смотрела на него. Красоту Ее и кротость он не мог описать. А вот юноша, стоявший за спиной Посетительницы, только стыдливо опустил свой скорбный взор и даже не смел посмотреть на него. Брат Людмилы подумал, что это пришли к ней, а не к нему. Даже сказал посетителям, что Людмилы с матерью нет дома. Гости побыли и удалились. Сразу же вслед за ними пришел один из закадычных друзей, которому он и рассказал о посетителях, но тот отнес все это к пьяному бреду своего товарища, так как не встретил, поднимаясь сюда по лестнице, не только Монахини с парнем, но вообще никого. Брат же Людмилы был тогда трезв, и ум его был абсолютно ясен!

Вообще, он очень тяготился своей слабостью и был сам себе не мил после пьяного дела, вот только ничего изменить одной своей волей не мог. Тянулся к святыне, держал в своей комнате святые иконы, но пить не бросал. Умер внезапно, на улице, и только благодаря участию и совету матери Рафаилы, вовремя позвонившей Людмиле из Киева и надоумившей ее искать пропавшего брата в морге, бренные останки его не попали в анатомку, а были погребены, как полагается.

Стесненная в жилищных условиях, Людмила делилась со своими знакомыми желанием досмотреть какую-нибудь беспомощную женщину-инвалида, чтобы объединиться с ней своей квартирой. И ей нашли «подходящего» человека – тяжелобольную без обеих ног. Правда, характер у нее был тяжелый.

Людмила попросила совета и благословения матушки. Та

благословила, но предупредила, чтобы Людмила с матерью были с ней очень осторожны: без молитвы ни к ней самой не подходили, ни в доме ее ничего не делали, потому что болящая «читает книгу». Вот тебе на! Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Стали жить вместе. Старая чернокнижница обрела аккуратных и терпеливых помощниц по хозяйству, вот только прибрать их к своим рукам ей никак не удавалось. Между ними, словно стояла незримая стена. Она все обращалась к матери с дочкой, чтобы они приняли от нее «книгу», но они вежливо и решительно отказывались исполнить это ее желание.

В связи с ведущейся невидимой бранью у Людмилы появился панический страх и уныние. Она отправилась в Киев и как только пожаловалась на это Екатерине, вражеское наваждение тут же прекратилось.

Как-то больная сказала Людмиле: «Ты чистая и премудрая». На что она отвечала: «У нас Дева Мария Пречистая, а блаженная Екатерина премудрая. Я же грешная и никуда и ни на что непригодная».

Так и осталась ворожея без преемников. Когда она стала кончаться, то сильно тосковала и мучалась, молила и требовала, чтобы они приняли из ее рук «черную книгу», но эту мерзость у нее так никто и не взял. Когда старуха умерла, ее «черное наследство» сожгли.

Не для этого ли получили благословение досмотреть ее Людмила со своей матерью?

«Кот».

В один из моих счастливых общением с матушкой Екатериной приездов она произнесла и несколько неожиданное для меня слово: «Кот». Сразу понял, что помянула блаженная моего домашнего питомца. Знать, увидела что-то и с ним связанное.

Кот наш был стопроцентно домашним и никогда не появлялся на улице. В один из вечеров я хватился, что дома его нет. Позвал раз-другой, поискал по комнатам и на кухне, он не объявлялся. Домашние не разделяли моего беспокойства и пытались убедить меня в том, что кот устроился на ночлег где-то в спокойном месте, но я молча продолжал искать его дальше. Открыл входную дверь, посмотрел, не выскочил ли он в парадную, выглянул на балкон. Было темным-темно, накрапывал летний дождик. Я, как будто ведомый кем-то, собрался и пошел во двор. Пока спускался по лестнице, соображал, где искать пропавшего: во дворе или на улице. Направился было во двор, но тут же повернул из арки дома на улицу и стал вглядываться в подвал, расположенный под нашим балконом. Не сразу, но заметил что-то темное на ведущих к нему ступеньках. Позвал кота по имени и он, подняв на меня мордочку, почти беззвучно и очень жалобно мяукнул. Я спустился к нему и взял на руки. Бедняжка весь дрожал. На свету рассмотрел, что мордочка у него разбита в кровь, сильно опухла лапа. Уже дома опустил его на пол и увидел, как болезненно изогнут кошачий хребет, плохо слушаются и хромают его лапы. Осмотрел, ощупал пострадавшего, умыл мордочку и перевязал поломанную лапку. Упавший с балкона третьего этажа

полнометражного старого дома и до смерти напуганный кот, заполз под мою кровать и не выходил оттуда сутки. Все это время он дрожал мелкой дрожью. Потом успокоился. Со временем расходился и снова стал бегать. Домашние, да и я сам удивлялись своевременности моей тревоги за попавшего в беду кота и быстроте его обнаружения. Конечно же, матушка Екатерина помянула его именно к этому неординарному случаю и надоумила в трудную минуту, что делать. Сказано, что Господь и скоты милует. Милуют их и Его рабы.

Как на крыльях слетела

А эта история касается неизмеримо более важного – чудесной помощи пожилому человеку, падающему с достаточно опасной для здоровья высоты. Речь пойдет о невестке старицы – уже овдовевшей жене двоюродного матушкиного брата Михаила, Екатерине. Она долгие годы жила бок о бок с тезоименитой себе блаженной, в соседнем с ней домике, и держала коз. Ее некоторые дачники так и звали – «Катя с козочками». По этой причине Катя запасалась сеном и, как и положено, складывала его в скирду, а после просушки – на чердак. На старости лет оставила она себе одну единственную кормилицу-козу. Коза-то одна, а сена заготавливать на весь чердак. И брать его приходится оттуда же. Быт есть быт. Тот случай, о котором идет сейчас речь, произошел, когда тщедушная по комплекции Катя забралась за очередной порцией козьего корма. Собралась сбросить сено, а полетела с высоты чердака сама – даже не поняла, как оступилась. За доли секунды, которые длился этот нечаянный полет, Катя успела

ощутить, как кто-то невидимый подхватил ее под руки и плавно опустил невредимой на твердую землю. Старушка в полном удивлении замерла на месте своего чудесного приземления, соображая, что с ней случилось, когда увидела пронзительно глядящую на нее из своего оконца юродивую родственницу. Ее, ее молитвой не искалечилась она при падении! Катя пошла к матушке Екатерине и получила от нее нагоняй за неосторожность. «Возись с вами, как с маленькими!» – закончила свой выговор старица.

Исцеление

Отец Александр не раз получал от блаженной помощь в своих недугах. Будь то головные боли или внутреннее воспаление с неукротимой рвотой, мучавшие его в отрочестве, лишай на голове или невыносимые боли в глазу, появившиеся уже в недавнее время – стоило только пожаловаться ей на телесную скорбь, как матушка Екатерина с готовностью подходила к нему, ненадолго обхватывала руками больное место и незаметно крестила его. Еще и обличала, если причина болезни была больше духовной. И неизменно наступало скорое излечение.

В один из наших совместных приездов к блаженной я стал свидетелем того, как матушка Екатерина без какой-либо просьбы или жалобы с его стороны предуказала отцу Александру ожидающую его болезнь и даже потрудилась полечить его «на будущее». Дело было зимой, во время дежурства Марии Совской. Не успели мы с батюшкой войти к старице, как она прямо с порога стала снимать со священника верхнюю одежду, приговаривая

при этом: «Скорее, скорее садитесь, будем лечиться». Батюшка был усажен на стул. Екатерина своими ладошками обхватила его правое подреберье, затем заставила его показать язык и внимательно осмотрела горло. После этого она направилась к небольшому столику, на котором стояла мисочка с каким-то жиденьким супом. Взяв ее, блаженная попробовала содержимое из ложечки, сморщилась, как от горечи, и скормила безропотно сидящему священнику несколько ложек «лекарства». После этого миска оказалась в стороне, а Екатерина взяла кусок серого хлеба, откусила от него мякиш, разжевала его, с брезгливым видом выплюнула на ладонь, внимательно рассмотрела и со словами: «Фу, глина», – бросила на пол.

Прошло с полгода после того случая, и отец Александр обратился ко мне с жалобами на желчную колику! Мы срочно отправились в больницу. Консультация знакомого хирурга и обследование говорили о том, что ситуация сложилась серьезная – у отца Александра развилось острое воспаление желчного пузыря, наполненного камнями, и уже появились признаки местного перитонита. Назрела необходимость операции. Но священник не то, что не мог согласиться на операцию, он даже не мог себе позволить лечь в больницу. Ему только что дали новый приход и назначили городским благочинным, и он не мог вот так просто взять и слечь. Стали лечиться рекомендованными хирургом лекарствами и, как бы, между делом. Местный перитонит держался около недели. Затем воспаление стало стихать. Но камни-то в пузыре остались. Операция все-таки казалась неизбежной. Отец

Александр в этой ситуации прибегнул к народной медицине. Он стал пить лекарственные травы и широко известное средство от камней в желчном пузыре – оливковое масло в смеси с лимонным соком. Кто принимал это снадобье знает, как его тяжко пить и как сложно удержаться от рвоты. Но батюшка перенес все до конца. У него, как и предполагала методика, с «глиной» выделились желчные «обмылки», а повторное обследование показало, что камней в не так давно воспалявшемся пузыре как ни бывало! Матушка Екатерина помогла ему и на этот раз.

Про отца Иоанна

В свой зимний приезд в 1993 году я попросил молитв старицы Екатерины о длительно и тяжело болевшем отце Иоанне, священнике нашего кафедрального собора. Как только я завел о нем речь, матушка приняла скорбный вид, несколько раз дотронулась двумя своими пальцами электрической розетки и медленно поднесла их к своим ноздрям. На просьбу помолиться о нем она несколько раз с готовностью кивнула. Я вернулся домой и там узнал, что батюшку опять оперировали по поводу разлитого перитонита и, что он в эти самые дни находился в реанимации на искусственной вентиляции легких. За него дышал аппарат, работающий от сети. Именно это так выразительно показывала мне прозорливица. И скорбь ее была не напрасна, и молитвы ее были уже не столько о выздоровлении, сколько о спасении души готовящегося к переходу в вечность любимого нами и всей его многочисленной паствой священника-страдальца.

Предсказание монашеского пострига и рукоположения

Не помню, как и по какому конкретно поводу, но сразу же несколько человек: Фаина Александровна, монахиня Рафаила, Мария Совская спросили блаженную о том, какой мне избрать дальнейший жизненный путь. Старица Екатерина однозначно благословила принимать монашество. Узнав об этом, я был обескуражен. Как – монашество? Вот так сразу? Сейчас? Уверенная в правильности указанного матушкой пути, мать Рафаила выразила желание помочь мне в осуществлении этого благого и спасительного дела и пригласила меня приехать в Киев и самому посетить блаженную. Когда я самолично спросил Екатерину о том, принимать ли мне монашество, она ответила: «Ще», что означало – «не сейчас, попозже». Я просто ожил, повеселел, приободрился. С этой «вольницей» я отправился к Рафаиле, которая была несказанно удивлена такой отсрочке. После этого пошел на службу в Свято-Никольский Собор Покровского монастыря и стал прикладывался в правом его приделе к иконе всех святых с частицами мощей некоторых Киево-Печерских угодников, Боголюбской иконе Божией Матери, иконе равноапостольного князя Владимира. Когда же я подошел к Печерскому образу Богородицы с восседающим на Ее лоне Богомладенцем и коленопреклоненными возле Них преподобными Антонием и Феодосием, и взглянул на Них, то чуть не захлебнулся от нахлынувших на меня сокрушенных чувств, так как в одно мгновение понял, *чего именно* я временно лишился, и даже всхлипнул без слез.

После защиты диссертации я уволился из сельской район-

ной больницы, где до этого работал, и решил устроиться в родной для меня городской клинике – но не тут то было! Рабочие места были, но принимать меня не торопились, да и не хотели. Неожиданно для себя я стал безработным. Но стоило написать об этом Фаине Александровне и матери Рафаиле и попросить через них матушкиных молитв, как работа для меня нашлась.

В октябре 1993 года я приехал в Киев, чтобы пройти предаттестационный цикл для получения первой категории по своей врачебной специальности и снова оказался в гостях у старицы. Матушка Екатерина приняла меня очень тепло, как теперь выяснилось, много предсказав мне из того, что сбылось в году 1998. Что же и как предсказала мне осенью девяносто третьего года дивная прозорливица? Она встала прямо передо мной и, показав мне три средних пальца своей десницы, произнесла: «Три года, три..., в девяностом году началось». Кроме этого, она прошлась передо мной и дважды как будто поскользнулась правой ногой, ловко шаркнув ей вперед-назад. «Ну и что?» – можете теперь спросить вы, – «где же предсказание того, о чем было сказано в самом подзаголовке?» Но именно в этом и заключалось предсказание тех великих событий, которые через пять лет изменили всю мою жизнь!

«Искушаете, искушаете...».

По молитвам блаженной все устроилось так, что я чудесным образом успешно сдал экзамены не на ожидаемую первую, а на высшую категорию. После этого мне посчастливилось вновь попасть к старице, и эта наша встреча оказалась уже последней. О

многом она мне тогда говорила и многое показывала, но здесь речь пойдет лишь об одном. Имея на руках бумаги с соответствующей рекомендацией, но еще не имея необходимого для ее получения стажа, я спросил матушку Екатерину о том, дадут ли мне высшую категорию? Она тут же ответила: «Дадут», но довольно сварливым голосом добавила: «Искушаете, искушаете...». С этим мы и расстались.

После этого я дважды пытался получить искомое, но за недостатком двух лет стажа в первый раз меня аттестовали на первую категорию, на следующий год пообещали присвоить высшую, как только выйдет срок и присвоили мне ее только с третьей попытки, на третий год. Так я действительно дважды искушал аттестационную комиссию, добиваясь тогда от них невозможного. Прости меня, Господи!

«Выбирайте что-то одно».

Будучи очень деятельным и любознательным человеком, Валентина, зубной врач по специальности, всегда интересовалась новинками науки и техники, разнообразными событиями «культурной» жизни. Поэтому она без колебаний приобрела билеты на представление питерского мистика Геннадия Руцко.

Как писали центральные газеты, он с раннего детства воспитывался неким тибетским монахом, попавшим в Россию вскоре после революции по приглашению руководства ВЦИК и РККА. Увлечение оккультной мистикой вместе со сменой руководства ослабело, и тибетец остался предоставленным самому себе. Дух-руководитель указал ему в качестве преемника живу-

щего неподалеку мальчика Гену. Гуру приблизил его к себе и постепенно обучил всему, что сам умел. Так русский по рождению Гена стал носителем враждебного Православию тибетского духовного опыта. Он знал все языки мира, живые и мертвые, показывал ложные чудеса демонической проницательности в сокровенные тайны своих зрителей, «лечил» больных. Руцко стал признанным авторитетом среди доморощенных и иноземных оккультистов – «целителей», колдунов и магов.

Вот к какому «столпу оккультизма» пошла Валентина по своему гибельному любопытству! Когда на сцене появился Руцко, она поудобней устроилась в зале. Перед тем, как начать диалог с публикой, он внимательно осмотрелся и... направился прямо к ней, наклонился к самому ее уху и спросил: «Вы верующая? В Церковь ходите?» Валентина как в рот воды набрала. А он продолжал: «К Екатерине ходите?» – и, не дожидаясь ответа, добавил: «Выбирайте что-то одно». Малодушествующая раба Божия со стыдом вышла из отторгнувшего ее по молитвам блаженной нечестивого сборища.

Известно множество историй о том, как разного рода гипнотизеры и экстрасенсы выставляли из зала забредших туда православных, если они во время сеансов этого прикровенного оккультного посвящения мешали им даже немощными своими молитвами. Если и это малое не дает лукавым людям наводнить внемлющую им аудиторию лукавыми духами, то что же говорить о тех, кто действительно силен своими молитвами отгонять бесовские полчища прочь? Так и Валентину, по косвенному при-

знанию Руцко, выручило то, что она хорошо знала и неоднократно навещала молившуюся за нее матушку Екатерину!

Катенька

Она родилась в благословенном Богом селе Петривцы и не раз слышала от родных о тезоименитой ей блаженной девице Екатерине, чудесно спавшей там сорок дней. Она тоже соблюла себя в чистоте и выросла глубоко верующим человеком. Несмотря на то, что жила Екатерина, в общем-то, недалеко от блаженной, встретилась с ней она уже в зрелые свои годы. И как встретила ее матушка!

По рассказам очевидцев блаженная Екатерина, поджидая кого-то, заранее выглядывала в окошко своей кельи, выходила во двор, а как только она появилась на ее горизонте, матушка стала призывно махать руками и звать ее: «Катенька, я тебя так давно поджидаю! Иди скорее, Катенька! Катенька!» Они сердечно обнялись, как будто знали друг друга вечность. Катенька стала Катиной.

Об окружении блаженной Екатерины

Пока было жива Анна, за своей блаженной дочерью смотрела она. Когда Анна почила, ее обязанности приняла на себя родная тетка матушки Екатерины незамужняя Агафья. Она охотно служила Кате: когда та позволяла тетя купала и кормила ее, одевала и расчесывала, заплетала ее тоненькие волосы в косички безыскусными цветными ленточками. Агафья же сопровождала Екатерину в Киев к его святыням, в монастыри и храмы. Она очень радовалась приходящим к матушке, принимала их, как

своих родных, кормила и поила. Одним словом, активно участвовала в подвиге старческого окормления множества прибегающих к Катиным молитвам и помощи людей. Но пришел и ее час – Агафья почила вечным сном. Матушка Екатерина оплакивала ее, как невосполнимую потерю, потому что после нее не стало подходящего для такого служения при блаженной человека. За Екатериной стали ухаживать по очереди. То этим занималась ее двоюродная сестра Дарья, то свободные в какие-то отдельные дни многочисленные матушкины чада. Постоянного же человека какое-то время не было.

Последняя келейница

Матушка предупреждала своих ближних: «Ходите чаще, а то калитка затворится». И действительно, ситуация вокруг блаженной стала вскоре меняться. Воспользовавшись тем, что не стало постоянно ухаживающего за старицей и ее домиком человека, бразды правления приняла на себя еще не пожилая и весьма энергичная особа, которую Екатерина вымолила из тюремного заключения. Когда матушку просили помолиться за сидящую в темнице бывшую завмага, она отвечала: «Мне очень тяжело за нее молиться. Не знаете за кого просите». Но разве слышим мы то, что нам говорят? Нас целиком поглощает чувство сострадания и сестринской любви к тем, кому «хуже всех». И мы просим и просим, пока не упросим за этого человека. Вот и выпросили...

Ее привели к блаженной, когда за ней ухаживали Вера и Анна Петровна. Ввели в дом на свою собственную беду, так как новенькая вскоре перестала пускать их самих к Екатерине, стала

затворять калитку и для прочих многолетних матушкиных чад. Предсказываемое старицей время наступило.

Блаженная терпеливо переносила такую о себе «заботу». Терпели и стоящие под ее окошком и не впускаемые в дом люди. «Со мной спорить, все равно что против ветра плевать», – любила говорить последняя матушкина келейница. Тех же, кого она по каким-либо причинам не решалась совсем не пускать к старице, келейница предупреждала: «Ничего не спрашивать и не говорить! Быть недолго!» От приношений отказывалась и вообще никаких уточняющих вопросов матушке про то, что надо делать и как поступать с тем или иным приходящим и в том или ином случае, она никогда не задавала. «Благодарная» блаженной келейница все делала на свой резон. Она перебралась к Екатерине в домик, затеяла большую перестройку и обязывала постоянно приходящих к матушке мастеровых киевлян целыми днями трудиться «для старицы» на этой стройке. Никого при этом не кормила, не поила и, по наблюдениям таких вольных каторжан, не особенно жаловала и саму матушку Екатерину. Когда келейница совсем перегибала палку, блаженная только ударяла ее по щеке. Но что это могло изменить в духовно закосневшем человеке?

Описываемая ситуация является, к сожалению, типичной для сегодняшнего дня, когда многие старцы оказываются в подобном суровом окружении и поэтому лишены возможности прямо и беспрепятственно окормлять приходящих к ним людей. Келейничающие же паразитируют на чувствах прибегающих к старцам ближних и дальних духовных чад. Так во времена все-

общей анархии и вседозволенности и в этих оазисах истинной духовной жизни наблюдается вопиющая картина давления горстки худших на лучших. Инициативные лица, как по команде, изолируют от нас в наше апостасийное время тех, кто несет пророческое служение. И пророки молчат и терпят. Действительно наступило время молчания, когда спасают и спасаются в безмолвии, даже находясь среди людей.

Анна

Ее вместе с мужем Валерием привела к блаженной Фаина Александровна Прохода. Выходцы с Западной Украины переселились в расположенный недалеко от Киева Фастов и жили там с Аниной мамой и двумя своими детьми. Когда они вошли к старице в первый раз, матушка взяла в кулак три спички, затем переломила одну из них и бросила на пол. Так она обличила мужа с женой в допущенном ими грехе аборта. Екатерина благословила отца семейства вместе с сыном, не теряя времени, покинуть мир и отправиться подвизаться на Новый Афон, Анну же прямо назвала будущей монахиней и игуменией Александрой, что ныне уже исполнилось.[9]

Как из уст Божиих приняли еще молодые люди все открытое прозорливицей для их спасения. Бывший муж с подростком сыном немедля отправились на Кавказ. В 1992 году известный Глинский выходец – старец схиархимандрит Виталий (Сидорен-

[9] Белашев А.И. «Радуйся, Заступнице усердная…». Очерк об устройстве женского монастыря во имя Казанской иконы Божией Матери в Петропавловской и Камчатской епархии с акафистом в честь этой иконы и молитвами преподобному Серафиму Саровскому и святым Дивеевским женам. – Петропавловск-Камчатский: Издательство «Скрижали Камчатки». – 2004. – С. 28-30.

ко) постриг Валерия в монашество с именем Василий. И он с сыном стал подвизаться в Абхазии. А Анна с дочерью Марией и своей мамой осталась жить в Фастове. Вскоре восемнадцатилетняя Мариечка стала послушницей Покровского монастыря, заболела диабетом и девственно чистой преставилась ко Господу. Перед кончиной Христова невеста пророчествовала своей маме одними с матушкой словами о том, что ждет ее впереди. Еще до этих событий по голосу-откровению бывший Анин муж с сыном покинули пылающий в войне Кавказ и, заехав за благословением к старице, перебрались для дальнейшего подвига на Север. Бывший отец семейства сподобился рукоположения во иеродиакона и иеромонаха, сын стал келейничать у болевшего тогда иеросхимонаха Рафаила (Берестова). Анна же, будучи по специальности медсестрой, работала в Киеве в больнице и там, в свое дежурство, навестила умирающую после операции Фаину Александровну, присутствовала при ее кончине и закрыла глаза познакомившей ее со старицей старушке. Анна, отличавшаяся кротким нравом и трудолюбием, больше других бывала у матушки Екатерины и в последнее время все чаще и чаще подменяла ее неугомонную келейницу. Промыслом Божиим Анна стала незаменимым для блаженной человеком.

Вспоминает отец Николай

По воспоминаниям отца Николая, на протяжении последних десяти лет матушкиной жизни часто бывавшего у нее и несшего вместе с Лидией, Анной и Людмилой чреду ведения скромного Екатерининого хозяйства, блаженная старица все время моли-

лась. Легко одетая, почти нагая, она не спала ни днем, ни ночью и нещадно била себя. Не давала и им сомкнуть глаза. Очень хотелось спать. Бывало, что отец Николай замертво падал от усталости и засыпал в ее домике, где придется.

Когда наступала брань с нападающими на блаженную демонами, все летело вокруг. Екатерина не только все перебьет, но и себя исколотит в кровь. До того, как оконные рамы в ее комнате стали защищать сетками, она разбивала все стекла в окнах, глубоко раня себе руки и лицо. Если кто-то из присутствующих бросался ее от этого удерживать, то доставалось и ему. В зависимости от вызвавшей ее причины, брань могла продолжаться от нескольких минут до нескольких дней. Особенно затягивалась она при крупных исторических потрясениях и кровопролитии. Перед подобными нестроениями блаженная не спала, не ела, раздевалась донага и, таким образом, терпеливо переносила постоянное бодрствование, голод, жажду и холод. А во время них, не переставая день и ночь, вела потрясающую всех присутствующих брань с бесами, даже до крови подвизаясь для умиротворения враждующих людей.

Во исполнение принятого на себя подвига сознательного юродства, матушка Екатерина систематически приготавливала себе незавидное мокрое место где-нибудь посреди своей комнаты и непременно ложилась в самую лужицу. Причем, выманить ее откуда было почти невозможно. Лежала и все. Ухаживающие за блаженной просили переменить испачканное, но она не разрешала. Лишь изредка, по прошествии продолжительного времени да-

вала им это сделать. Отец Николай все поражался тому, как у нее на все это хватало физических и духовных сил.

Несмотря на такой режим, истязающая себя подвижница оставалась опрятной и благовонной. Даже постель ее пахла разнообразными душистыми травами.

В спокойные дни старица от физического изнеможения молилась лежа или сидя. В последнем случае она попеременно возносила к небу то одну, то другую руку, или раскачивалась всем корпусом.

Разговаривала матушка Екатерина преимущественно по-юродивому, притчами или на каком-то непонятном языке. Иногда же рассказывала о прошедших, происходящих или еще только имеющих произойти в будущем событиях простым языком, четко и ясно общаясь со своими посетителями на ты или на вы, по-русски или по-украински.

Если говорила: «На призыв», то предсказывала монашество. В случае скорбей или нужды обещала помочь молитвами, произнося: «Я пиду добыватыся за вас... (Я пойду добиваться за вас...)». Обличая гневливость, конфликтность и ссоры, давала спички.

А как Екатерина постилась! Спрашиваешь ее: «Будем кушать?» Отвечает: «Будем». Приготовишь, поднесешь, а она уже машет пальчиком и отказывается. Попросит: «Дайте пить». Подали. Вылила. Жидкости пила много, ела все, но крайне редко и помалу. Когда кушала, пользовалась руками. В последнее время блаженную приходилось кормить. А она все старалась перевора-

чивать еду. Убирать надо было после: «Спаси Господи, матушка», – причем, сказанного без злобы. Иначе наказывала.

Каждую ночь пела очень звучно и выразительно, слов не понять, но что-то очень грустное. У слышащих это пение волосы буквально становились дыбом и слезы градом катились из глаз. Иногда ночью будила всех в доме и велела зажигать весь свет, а сама громогласно запевала что-то про воров. Те действительно в это самое время промышляли где-нибудь на соседних дачах, а частенько подходили к самым матушкиным окнам, заглядывали внутрь, только сила Божия не давала им причинить Екатерине зло, и они ни с чем уходили.

По меньшей мере, за семь лет до начала теперь уже всем известных событий старица Екатерина предсказывала, что на Киевской кафедре будет митрополит Владимир, действительно блаженнейший – достойный и доступный для всех своих пасомых архипастырь[10]. А когда он им стал, блаженная прозорливица велела отцу Николаю, чтобы он пригласил Блаженнейшего приехать к ней в хатку. Больше того, старица видимым образом готовилась к встрече этого почетного гостя, ставила для него стульчик и ожидала. Только неуверенность отца Николая и его нерасторопность в исполнении этого матушкиного поручения не позволили осуществиться такой встрече[11].

---

[10] Митрополит Владимир (Сабодан), Предстоятель Украинской Православной Церкви с 27.05.1992 г. Напомним, что о нем же пророчествовала блаженная старица-мученица Серафима, предсказывая у Аскольдовой могилы в далеком 1933 году, открытие только что закрытой богоборческими властями Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры и пребывание в ней Владыки-митрополита.

[11] Хотя, в оправдание священника нужно сказать, что он побывал в приемной Владыки Владимира, вот только внятно изложить суть дела его помощникам не сумел. Но факт

Идет как-то отец Николай на свою «смену», а силы его на пределе. Вот он и мечтает, чтобы блаженная сегодня была тихая, а матушка встречает его следующими словами: «Вы в хорошую попали, в очень хорошую семью...» – при этом слегка приобнимает его за плечи и все волнения, и тяжесть тут же куда-то отходят.

И еще о том, как блаженная Екатерина встречала отца Николая и «провожала» невидимых ему его же лукавых спутников. Матушка оттесняла от него бесов своими ладонями и стремительно выпроваживала их, как карликов, за порог. Это всегда производило на батюшку неизгладимое впечатление особой духовной власти на демонов, данной блаженной Богом за ее многострадальное и многоподвижническое житие.

И последнее, что счел своим долгом сообщить келейничавший у старицы Екатерины священник. Не раз и не два он испытывал райскую сладость, после того, как блаженная давала ему в благословение самый обыкновенный хлебец. Стоило только его употребить, как внутренность отца Николая исполнялась неизреченным ароматом и сладостью, которые исходили из самой его утробы вместе с дыханием и ощущались на протяжении нескольких дней при каждом вдохе и выдохе. Остается добавить, что этому знамению благодатного посещения батюшки-послушника Духом Утешителем, как правило, предшествовало посещение матушки Екатерины небожителями, чему он, опять-таки не раз и не

остается фактом – старица Екатерина всегда относилась к Его Блаженству, как к истинному Первосвятителю и отцу.

два, был самоличным и блаженным свидетелем. Что ж, по трудам и утешение![12]

Се Жених грядет в полунощи

Когда мать Рафаила навестила свою старицу в последний раз, казалось, ничто не предвещало скорую разлуку, вот только расставаясь с ней, блаженная сказала не совсем обычное: «Ну, прощай!» Монахиню должны были свозить к Екатерине в день накануне ее кончины, но по какой-то причине не смогли этого сделать. Поэтому больше при жизни матушки они не виделись.

Вот и Ивану Лукичу при последней встрече блаженная Екатерина сказала: «Давай попрощаемось... (Давай попрощаемся...)» и после этого сложила руки как покойник, обняла его и даже поцеловала.

Как уже говорилось, Бог и Господь всяческих устроил все так, что в последние дни с матушкой чаще других была ее верная послушница Анна. Блаженная заранее показала ей обстоятельства своей кончины. Она усаживала Аню напротив себя, дула ей в рот, поднимала и опускала ее туловище, а потом сказала: «Хочется кашлять и рвать...». Кроме того, блаженная несколько раз говорила ей с нотками укора в голосе: «Ведь ты же сестра (име-

---

[12] Блаженная благословляла отцу Николаю перебраться после ее кончины поближе к отцу Александру и велела ему принять монашество. За послушание старице отец Николай перевелся в Одесскую и Измаильскую епархию, послужил более года на одном сельском приходе, где мужественно претерпел нападение демонов. Они наполняли его скромное жилище в виде огромных лягушек розового цвета, облеплявших весь потолок и стены и мерзко квакавших здесь днем и ночью, летом и зимой. Напоследок Господь посетил Своего раба быстротечным смертельным недугом. Отец Николай отправился на излечение в Киев, где и умер, успев принять с благословения Блаженнейшего Владыки Владимира монашеский постриг с именем преподобного Феодосия, Игумена Киево-Печерского. Да будет вечная память и вечный покой скромному труженику нивы Христовой и смиренному послушнику блаженной старицы Екатерины!

лось в виду профессиональная медсестра)». А также, часто водила вокруг себя носом со словами: «Фу, как воняет». В этих незамысловатых словах и действиях блаженной и содержались подробности ее быстротечной кончины и последовавших затем событий. И к промыслу Божьему невозможно ничего ни добавить, ни убавить!

Наступил день памяти Святителя Феодосия, архиепископа Черниговского 5/18 февраля 1997 года. Все шло своим чередом. Без нескольких минут до полуночи матушка еще прохаживалась по своей комнатке, как вдруг почувствовала себя плохо: было заметно, что ей тяжело дышать. Блаженная сама улеглась на пол возле порога и стала отходить ко Господу. Аня подхватила ее за туловище, стала присаживать свою старицу, дуть ей в рот и по своему недостоинству не решалась предпринимать более энергичные медицинские меры, не стала, скажем, делать ей искусственное дыхание. Ровно *в полночь* с 5/18 на 6/19 февраля 1997 года, в уже наступивший церковный день памяти Великих Вселенских преподобных отцов-прозорливцев Варсонофия и Иоанна, блаженная старица Екатерина почила.

Осознав это, Анна побежала через лес к телефону-автомату, чтобы сообщить о матушкиной кончине в Киев, и тут на нее нашел сильнейший кашель, и если бы у нее было чем вытошнить, то ее непременно бы вырвало. Так исполнилось еще одно матушкино пророчество о своей собственной смерти.

Не бойтесь убивающих тело

Утром на место события прибыла последняя матушкина ке-

лейница. Она стала оспаривать то, что старица Екатерина уже почила. «Матушка не умерла, а спит или обмерла» – не говорила, а кричала она. Келейница в присутствии Анны жарко растопила печку и накрыла тело старицы пуховым одеялом. Потом она открыла форточку для поступления свежего воздуха для «спящей» и, видя, что матушка не дышит, под конец обильно растерла все ее тело нашатырным спиртом. Кожа блаженной от этого тут же потемнела. Так через ничего не соображающего и подавляющего своей активностью человека враг рода человеческого поругался над матушкиным телом. Последствия такого воздействия неимоверной жары и нашатыря не преминули себя явить начавшимся тлением. До этого два дня келейница пыталась убедить всех, что ничего не случилось.

Матушку перевезли в нижний храм Свято-Покровского женского монастыря в Киеве и с разрешения его досточтимой игуменьи Маргариты утром 8/21 февраля после ранней Божественной литургии отпели. Слышный из гроба запах нашатыря и тления был последним испытанием веры осиротевших матушкиных духовных чад. И не будь возле их старицы последние годы неистовой келейницы со всеми ее «выкрутасами», острее ощущалось бы несоответствие матушкиной подвижнической постнической жизни с тлением ее многострадального тела. Но его намеренно испортили и уже бездыханное убили. А Спаситель предупреждал всех Своих последователей: *«Глаголю же вам другом Своим: не убойтеся от убивающих тело и потом не могущих лишше что сотворити»* (Лк. 12, 4). *«... Убойтеся же паче могу-*

щаго и душу и тело погубити в геенне» (Мф. 10, 28). Какие утешительные для праведных, но страшные для нечестивых слова!

«Упокой, Господи, души усопших раб Твоих».

Когда мы с отцом Александром добрались до Покровского монастыря, отпевание матушки Екатерины уже закончилось. Мы подошли к простому, необитому гробу и приложились к ее останкам, завернутым в целлофан. В нос и глаза сразу же ударили пары нашатыря. Мы поначалу не поняли, что это было. Подробности совершившегося над телом старицы глумления выяснились несколько позже. Батюшка испросил через монахинь у игуменьи Маргариты позволение взять на кладбище монастырские поручи и епитрахиль, служебное Евангелие дала мать Рафаила. Собрались и поехали погребать нашу старицу на Святошинское кладбище. Мать игуменья разрешила похоронить блаженную Екатерину на монастырском участке. Спаси ее, Господи, за такую милость!

Отец Александр встретил гроб старицы у кладбищенских ворот со святым Евангелием. Весь чин погребения совершался им по памяти. Пели матушкины чада, от мала до велика собравшиеся у ее священного для них гроба. Я предложил поднести матушку к могилам ее стариц- предшественниц. Приехали мы на кладбище на полчаса раньше назначенного для погребения времени, и эти драгоценные полчаса у крестов блаженных схимонахинь Серафимы и Марии стоял гроб их ученицы и преемницы по подвигу Христа ради юродства, нашей блаженной старицы Екатерины. Служилась единственная в своем роде и трогательная до

слез общая панихида. В небо возносились песнопения молитвы: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих» – и – «Вечная память». Блаженные девы, несомненно, заслужили ее!

На могилке блаженной Екатерины

Никто и ничто не мешают теперь навещать блаженную старицу Екатерину на ее могилке. Крест и могильный холм среди таких же простых могил почивших инокинь и монахинь Киевского Свято-Покровского монастыря выделяются лишь тем, что здесь всегда теплится лампадка, лежат живые цветы и всегда можно встретить молящегося человека. Матушка говаривала при жизни: «Своих я не оставлю!» И дерзновенная перед Богом молитвенница держит свое старческое слово.

О, блаженная дево и мати Екатерино! Ты покрывала, защищала, вразумляла и врачевала ны еси словом и делом во вся дни твоея земныя жизни, умоляла еси за ны Богородицу, яко крепчайшую пред Богом Ходатаицу и тако испрашивала еси у Господа сил всех наших согрешений прощение. Не оставляй ны и за гробом твоим. Помяни ныне пред престолом Всевышняго веру, надежду и любовь наша к тебе, рабе Его, и исходатайствуй сии трие нам в помощь и спасение, дабы в жизни будущаго века мы сподобилися слышати от тебе в раи утешительное: се аз и чада, яже ми даде Бог. Аминь.

Послесловие

Для знавших и любивших матушку Екатерину она была и остается великой блаженной, Божией угодницей и молитвенницей. Некоторые соблазнялись ее жизнью и подвигом. *«Жестоко*

есть слово сие: и кто может его послушати?« (Ин. 6, 62) – так же говорили соблазнившиеся глаголами жизни вечной Самого Господа нашего Иисуса Христа, *«... от сего мнози от ученик Его идоша вспять, и ктому не хождаху с Ним»* (Ин. 6, 66). И кто виноват им?

Что стало с памятью о почившей рабе Божией и ее почитанием? Почитание блаженной после ее кончины ширится и слава ее растет[13].

Какие плоды принесла ее кончина и последовавшее за ней испытание веры ее духовных чад? Никто из них не перестал почитать ее, как Праведницу. Но самое главное состоит в том, что последняя матушкина келейница переменила свой неистовый нрав и буквально переродилась. Ее ни корят, ни казнят обижаемые ей в недалеком прошлом люди. Ее искренне простили, потому что верят: по молитвам блаженной Екатерины Господь не вменит ей во грех совершенное страшное глумление над телом почившей, не вменит, как не ведавшей, что она творит. *«Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите кленущия вы, и молитеся за творящих вам обиду»* (Лк. 6, 27-28) ... *«яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на Небесех: яко*

---

[13] По воспоминаниям иеромонаха Феодосия матушка пророчествовала об этом, восклицая: «А народу, народу! Хотят побачить яку-то Катеньку (Хотят увидеть какую-то Катеньку)». А в знак того, что речь идет о ее могиле поясняла, что будет помогать и тем, кто не знал ее заживо, а узнает от людей. Во исполнение этого Лидия как-то застала на могиле блаженной плачущую от радости незнакомую женщину. Оказалось, что она, услышав от людей о старице Екатерине, поспешила к ней на могилку со своей нуждой: женщине никак не добавляли пенсию и наотрез отказывали в этом законном требовании. Она припала на могилку Екатерины и попросила не знакомую ей лично блаженную о помощи. В скорости ее вызвали те же, кто отказывался помочь и не только начислили более высокую пенсию, но еще и вернули недоплаченное за прежние годы!

солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и на неправедныя. ... Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 44, 45, 48). Что может быть выше исполнения этих Христовых заповедей? Исполняя их, блаженная девица Екатерина пожертвовала для исправления жестоковыйного человека своими подвижническими останками и принесла этим свой самый главный плод. *«Тако всяко древо доброе плоды добры творит»* (Мф. 7, 17). Поэтому в память вечную будет наша блаженная старица-праведница!

В дополнение к сказанному

Приводимые ниже истории касаются исполнения того, что Бог открыл устами Своей верной рабы на пользу моей души, соединяя в себе прошлое и бывшее тогда будущим настоящее. А, впрочем, судите обо всем сами.

Исполнение предсказания о монашеском постриге и рукоположении

В 1995 году уже в тридцатитрехлетнем возрасте я поступил в Московскую Духовную Семинарию. Осенью 1997 года вынужден был перевестись из своего третьего в четвертый класс. На следующий день после памяти святой великомученицы Екатерины состоялась совершенно непредвиденная, промыслительная беседа с Владыкой-ректором[14] и впервые вслух прозвучало то, что я собираюсь принимать монашество... Сказав «А», пришлось говорить и «Б» – на следующий же день я подал прошение на постриг. Но рассмотрели мою кандидатуру не сразу, а спустя два с

небольшим месяца – в канун первой годовщины матушкиного преставления 5/18 февраля, а в самый день ее памяти – 6/19 февраля 1998 года Владыка Евгений отвез все необходимые для этого документы в Патриархию. Таким образом, прошло всего три года, и в пятницу Крестопоклонной седмицы Великого поста Владыка совершил надо мной постриг и дал мне имя преподобного Агапита, врача безмездного Печерского, почивающего в Антониевой пещере Киевской Лавры. По академической традиции всех постриженников вскоре сподобляют диаконского рукоположения, что было совершено и надо мной. Весна 1998 года выдалась на редкость холодная и снежная[15]. Когда я направлялся на хиротонию в Свято-Покровский академический храм, несмотря на то, что было 2/15 апреля, на дорожках и деревьях лежал обильно выпавший накануне снег. Я дважды скользнул правой ногой точь-в-точь, как это показывала мне еще в 1993 году моя великая старица.

Что же касается того, что именно началось в девяностом году, то оказалось, что это относилось к моему будущему монашескому имени. Как уже говорилось, я стал регулярно ездить в Киев после кончины схиигумена Амвросия с сентября девяностого года. И ни одна поездка не обходилась без посещения пещер Киево-Печерской Лавры. Особенно же стремилась моя душа в Антониеву пещеру к преподобному врачу Агапиту. Я имел обыкновение подолгу задерживаться у раки с его нетленными

---

[14] Преосвященный Евгений (Решетников), епископ Верейский, ректор Московской Духовной Академии и Семинарии с 1995 года, с 2000 года – архиепископ.
[15] Такого позднего снега в Сергиевом Посаде не было с 1903 года.

многоцелебными мощами и иногда оставлял под ней записки с той или иной своей насущной просьбой. Теперь, я думаю, в этой истории на свои места встало уже все.

Попросил, как живых, о помощи и исцелении, и отеки сошли

Не особенно разглядывая себя, я и раньше замечал некоторую отечность ног и стоп, но, по принципу – «сапожник без сапог», не придавал этому особого значения. И вот, как-то вечером, умывая ноги, я был поражен тем, на что они стали похожи – отечные, как колоды, надавливание пальцами оставляло на них глубокие вмятины. Дальше – больше, появилась свинцовая тяжесть, распухшие мягкие ткани стали ограничивать свободу движений в суставах. Болезненно ныло сердце. Я даже стал подумывать о том, что при таком прогрессировании сердечной недостаточности недолго и до гробовой доски. С чем именно это было связано – осталось для меня загадкой, но сейчас речь пойдет не о том, как болезнь пришла, а о том, как она прекратилась. Для прояснения этой ситуации придется вернуться на два и один год назад.

Два года назад ко мне обратилась одна девица с настойчивой просьбой срочно проконсультировать в Лавре ее схимника-старца. Так мы с ним и познакомились. Консультация оказалась очень своевременной, уже на другой день его положили в больницу и вскоре успешно прооперировали. Я навещал болящего несколько раз – еще до операции, горячо молился о продлении его жизни и чувствовал себя его заботливым учеником. Единственное, что омрачало только начинавшиеся дружеские отноше-

ния – это странная в сложившейся ситуации раздражительность, которую престарелый тяжело больной человек проявлял в отношении вольного к себе доброхота. Потом я уехал на каникулы, ушел в академический отпуск. Наши отношения стали возобновляться лишь через год. Я вновь посетил его, и тут в разговоре выяснилось, что еще недавно балансировавший между жизнью и смертью схимник настойчиво желает женить меня на той самой своей духовной дочери и определить на приходское служение. Я спокойно ответил ему, что это исключено, так как намереваюсь принять монашество. Тут он буквально «взорвался», наговорил мне много резкостей, и наши отношения, так толком и не начавшись, прекратились. Я вообще забыл об этой истории, так как не испытывал никаких терзаний ни относительно несостоявшегося вступления в брак, ни относительно расставания с чудом выжившим старцем. Через год после описанных событий я и заболел.

По привычке не лечить, а пережидать свои болячки я все упование возложил на Бога и Его святых. Правда, по малодушию сообщил о проблеме со здоровьем кое-кому из близких мне людей. Вот один из этих ближних в разговоре с той самой девицей и сообщил ей о том, что со мной происходит. Она же, в назидание ему, как своему очередному потенциальному жениху, связала эту мою болезнь с «ослушанием жениться и самочинным пострижением в монашество». Все тайное становится явным, узнал о таких речах и я. От внутреннего возмущения я только и смог, что горячо и убежденно заявить о желанности моего пострижения, пол-

ной его осознанности и имевшемся на него от дорогих мне старцев благословении. Когда я остался один, то взглянул на стоящие возле меня на столе портреты матушки Екатерины и отца Амвросия и коротко обратился к ним с такими словами: «Видите, что говорит? Помогите мне, исцелите!» И тут же был услышан: какая-то теплая волна пробежала по моим опухшим ногам от колен до ступней. Отеки поначалу уменьшились, а затем и вовсе прошли. Пишу об этом и, проверяя истинность сказанного, смотрю на свои голени и стопы. Все, слава Богу, в порядке.

«Укрывай, укрывай мощи».

Когда мы с отцом Александром первый раз были у матушки, она сказала, обращаясь ко мне: «Укрывай, укрывай мощи». На мне как раз был надет деревянный крест-мощевик, куда незадолго до этого я собственноручно укладывал полученные в дар от отца Александра бесценные частицы. Поэтому я достал его и показал старице. Она одобрительно кивнула. Потом Екатерина помянула вслух святую Евфросинию. Тут уже оживился батюшка. Он очень почитал Полоцкую игуменью и даже имел частицу ее многоцелебных мощей. Мы оба только подивились прозорливости блаженной. Но ее высота и духовная дальнозоркость были гораздо большими, чем подумалось тогда нам!

Уже через год после ее кончины, в Великом посту 1998 года меня разыскал по телефону Преосвященный Феодосий, епископ Полоцкий, преподававший до этого в Московской Духовной Академии. Звонил он, чтобы позвать меня в Полоцк для переоблачения нетленных святых мощей преподобной Евфросинии,

игуменьи и княжны Полоцкой, покоящихся в построенной ею Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниева Полоцкого женского монастыря. Я даже и не мечтал о таком предложении! Обратился же ко мне владыка Феодосий, как к человеку, имеющему опыт в таких вопросах. Дело в том, что по слову старицы Господь сподобил меня освидетельствовать и помогать облачать мощи новоканонизированных Одесских чудотворцев: в сентябре 1994 года – преподобного Кукши (Величко), в июле 1996 года – праведного Ионы (Атаманского), а в июне 1997 года – святителя Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского. Благословил меня на такую поездку и ректор – владыка Евгений. В четверг шестой седмицы я уже был в Полоцке. Переоблачение Преподобной и смена обивки покоящей ее кипарисовой раки происходили, как великое духовное торжество и на протяжении всех шести часов сопровождались явными знамениями присутствующей Божественной благодати. С того памятного дня, когда об этом событии прорекала нам матушка Екатерина, прошло семь с половиной лет.

На Покров Пресвятой Богородицы 1998 года и память Касперовской Ее иконы служить мне не пришлось – было много диаконов и мне «вежливо» отказали. Служил вечером 1/14 октября и как утешила меня Богородица! На Акафисте подошел ко мне лаврский врач-терапевт и попросил помочь привести в порядок только что обретенные мощи новоканонизированного святого – лаврского архимандрита Антония (Медведева), ученика преподобного Серафима Саровского, который по его пророчению стал

«настоятелем великой лавры» и, к слову сказать, прислал Серафиму финифтяный образок явления Божией Матери преподобному Сергию, который и надели на преподобного Серафима, по его собственному указанию, после кончины. Мощи обрели ранним утром на Покров и должны были прославить преподобного Антония в лике местночтимых святых 3/16 октября. И тут, просто на удивление, обратились ко мне без всякой помпы и официоза, очень запросто, по инициативе снизу. Игумен, которому поручили привести мощи в порядок обратился за помощью к тому батюшке-терапевту, он – ко мне и уже вечером 1/14 октября, в день Покрова я прикоснулся к этой великой святыне. Слава Богу! Как будто коридор для меня сделали и я пришел, и увидел, и помог косточки сложить, соединить их одними бинтами, как Господь надоумил, и облачить. Слава Богу! Сделал Акт медицинского освидетельствования останков с фотографиями для Лавры и еще три небольших фотоальбома с актом, и поднес их Преосвященному владыке-ректору, просил его передать Его Святейшеству и отвез ... в Дивеево.

Совершенно нежданно-негаданно Господь сподобил и там побывать. Собрались паломничать в Дивеево сотрудницы академии на академическом микроавтобусе и мне предложили съездить тоже с оплатой горючего в складчину. Сколько раз список из восьми человек перетряхивали и меняли. То был я в нем, то вычеркивался, но оба преподобных все устроили и 5, 6 и 7 ноября я там побывал. Отвез и вручил игуменье Сергии две частицы святых мощей преподобного Антония (она обрадовалась – «он ведь

наш, арзамасский») и частицы мощей преподобной игуменьи Евфросинии и праведного Ионы.

«Богородице Дево, радуйся».

Вспомнил еще, как матушка Екатерина назидала меня словами: «Читай «Богородице Дево». Молитва эта хорошо известна каждому верующему человеку. Мне пояснили тогда, что матушка всегда рекомендовала ее обуреваемым нечистыми и блудными помыслами. Выслушал я ее совет и, честно сказать, не принял его близко к сердцу – итак, мол, читаю ее по несколько раз в день, не забываю. А пришлось осенью 1998 года впервые паломничать в Дивеево к преподобному Серафиму и дважды ходить с сестрами будущей женской лавры с Богородичным правилом по Канавке, тогда и вспомнил блаженную.

«Отче наш».

Тогда же сподобил меня Бог служить диаконом в Свято-Троицком соборе Дивеевского монастыря, там где покоятся святые мощи преподобного батюшки Серафима, пребывают его прижизненный портрет и икона Божией Матери «Всех радостей радость», а также находятся многие вещи этого великого святого. На Божественной литургии досталось мне возглашать ектению «Вся святыя помянувше» и вместе с народом Божиим петь «Отче наш». Сколько уже раз приходилось это делать, а тут стою лицом к поющим молящимся, регентую ими, сам громко пою и ярко-ярко вспоминаю, как матушка Екатерина вот так же когда-то стала передо мною и Марией Совской, громко-громко запела «Отче наш» и регентовала нами. На лбу ее даже выступил пот от стара-

ния и напряжения. Мария подпевала ей громко и охотно, она поющей была, а я на людях пел редко, по настроению и блаженной приходилось по-регентски, жестами побуждать меня к молитве в голос, вместе со всеми. Так и пропел всю молитву, как будто вместе со своей уже покойной старицей. Дивен Бог во святых Своих!

Остается только добавить, что прошло совсем немного времени и в день памяти преставления и второго обретения святых мощей преподобного Серафима 2/15 января 1999 года владыка Евгений привез из Патриархии благословение на мое рукоположение во иереи и уже 6/19 января – в день Святого Богоявления – рукоположил меня в Свято-Покровском академическом храме во иеромонаха.

27–28 мая / 9–10 июня 1999 года совсем недалеко от Сарова и Дивеева мне довелось подготовить к облачению и освидетельствовать святые мощи известного старца XVIII века – иеромонаха Феодора (Ушакова), строителя и возобновителя Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря, обретенные 21 апреля/4 мая. Более того, по настоятельной просьбе смиреной братии этого славного монастыря и по благословению его настоятеля архимандрита Варнавы довелось составить проект бденной службы и акафиста этому великому святому мужу. Вскоре затем, 27–28 июня/10–11 июля, в самый канун памяти святых Первоверховных апостолов Петра и Павла и летнего празднования Касперовского чудотворного образа Божией Матери, при огромном стечении верующего народа преподобный

Феодор Санаксарский был торжественно прославлен в лике святых.

И это еще не все: в марте 2000 года по рекомендации Санаксарского уставщика иеромонаха Тихона меня пригласили помочь освидетельствовать и облачить святые мощи священноисповедника Романа Московского (старца-протоиерея Романа Медведя, духовного сына святого праведного Иоанна Кронштадтского, близкого святителю Тихону, Патриарху Всероссийскому), которого в августе этого же года на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви причислили к лику святых в сонме новомучеников и исповедников Российских).

А 27 сентября / 9 октября 2000 года путь мой лежал уже в Серафимо-Дивеевскую «женскую лавру». Там только что обрели святые мощи преподобных схимонахинь Александры (Мельгуновой), Марфы (Мелюковой) и монахини Елены (Мантуровой), о чем предсказывал преподобный Серафим. Господь сподобил послужить и их святыне. И где? В храме Рождества Христова, построенном иждивением Саровского чудотворца.

Следующим событием подобного рода стало мое скромное участие в обретении, медицинском освидетельствовании и подготовке к облачению святых мощей праведного протоиерея Алексия (Мечева), Московского старца в миру и чудотворца с 3/16 на 4/17 июня 2001 года в канун дня памяти Всех святых, в земле Российской просиявших.

В мае 2002 года довелось поднимать и облачать святые мощи преподобного старца Амфилохия (Головатюка) в Почаеве.

Весной 2006 года перед Благовещением снова был в Полоцке и полностью переоблачил многоцелебные и благоуханные мощи преподобной игумении Евфросинии. Осенью того же года поднимал и облачал в Кременецкой женской обители честные останки священномученика Алексия (Громадского), Митрополита Луцкого и Волынского, и освидетельствовал и облачал святые мощи преподобной схимонахини Манефы (Скопичевой) в Гомеле. А в конце мая 2007 года полностью переоблачал святые мощи святителя Иннокентия, Архиепископа Херсонского и святого праведного Ионы, Одесских чудотворцев.

Так дивно исполняется благословение старицы Екатерины.

Преемник матушки Екатерины

Во время одного из моих визитов в Киев, когда я, как всегда, остановился у приснопамятной Фаины Александровны, она сообщила мне удивившее меня тогда матушкино пророчество о том, кто займет ее место, или, другими словами, наследует ей в ее подвиге. Фаина была свидетелем того, как блаженная старица сказала одному своему духовному сыну в священном сане: «Садись на мое место» – и, поднявшись, усадила его вместо себя. Тогда я не принял этих слов всерьез, но будущее показало, что это матушкино благословение исполнилось в точности. Преемником Христа ради юродивой старицы стал самый давнишний ее духовный сын и почитатель, которому она не раз помогала своими молитвами ко Господу и Пресвятой Богородице во время посещавших его искушений, испытаний, скорбей и болезней.

Прошло по меньшей мере пять лет после этого и блаженная девица Екатерина почила. А еще через два с половиной года, в августе 1999 года, когда этот самый священник молился в своей келье она явилась ему наяву и сказала: «Время пришло». Сразу же после этого Господь вверг нового своего избранника в огонь лютых духовных испытаний. Открылись внутренние очи его сердца и перед ним предстало гнусное бесовское полчище и вся келия наполнилась косматыми демонами гигантских размеров. Вид их был неописуемо гнусен и ужасен. На смену им стали приходить обнаженные блудницы, «казак с цигаркой», бесы-карлики, целое гадаринское стадо неописуемо зловонных свиней и снова великаны. Они ругались на раба Божия, смеялись над ним, плевали на него, толкали, били, все переворачивали вверх тормашками, сами стены и потолок кельи трещали и как будто рассыпались в прах от их присутствия. Пол трясся, как при самом сильном землетрясении. Я сам слышал этот ужасающий треск по телефону, когда новоиспеченный подвижник звонил ко мне, прося молитвенной помощи и поддержки. Наглость демонов доходила до того, что они укоряли священника в лености в молитве, недостаточно строгом пощении и даже в том, что Полунощница в его монастыре совершается не в полночь, а рано утром. Они не давали ему сомкнуть глаз, раскачивали кровать, кололи его внезапно выступающими из ложа гвоздями, опрокидывали страдальца вместе со стулом на пол. В довершение ко всему каждую ночь его беспокоили угрожающие звонки и проклятия по телефону. Карлики обсаживали карнизы, болтали свисающими отту-

да хвостами и копытцами, нахально склабились. Великаны же ликовали и радовались тому, что в Турции произошло землетрясение, погубившее тысячи ее жителей и предрекали, что и Вавилон также падет, пытаясь привлечь внимание батюшки к своим лукавым «пророчествам». Усмиряло их всех одно лишь чтение Псалтири. От него демоны обращались в бегство. По временам священник настолько раздражался на этих не званных гостей, что брался за палку и прогонял их из келии вон. Они уходили, но вскоре опять возвращались мучить его. Бесы лезли в комнату через закрытую дверь и в окна. Брань эта продолжается и поныне...

Описываемые события хотя бы частично приоткрывают завесу над тайной невидимой нам брани и, в какой-то степени, объясняют то, что испытывали поминаемые нами блаженные старицы Серафима, Мария и Екатерина и вообще все от века спасавшиеся в подвиге Христа ради юродства, что побуждало их идти на демонов «в рукопашную», воевать с ними всем, что попадется под руку. Кроме того, все они согласно советовали своим чадам чаще читать Псалтирь. Вот и Христа ради юродивый преподобный иеросхимонах Феофил, подвизавшийся в Китаевской пустыни Киево-Печерской Лавры не случайно не расставался с Книгой псалмов Давидовых, казалось, что он вообще никогда не выпускал ее из своих рук. С нею же его изображают на святых иконах.

Святой преподобный Антоний Великий кратко и, в то же время, исчерпывающе описывает подобные вражеские страхования подвижников так: *«Они ... устраивают разные привидения,*

чтоб устрашить; для чего претворяются в разные виды и принимают на себя образы: жен, зверей, пресмыкающихся, великанов и множества воинов. Но ... таких привидений не должно бояться; потому что они ничто – и тотчас исчезают, коль-скоро кто оградит себя верою и знамением креста. – Впрочем они дерзки и крайне безстыдны – Почему, если и в этом бывают побеждены, то нападают иным еще образом: – принимают на себя вид прорицателей и предсказывают, что будет спустя несколько дней; также показывают себя высокими, чтоб кого не могли прельстить помыслами, уловить хотя такими привидениями. – Но не будем слушать демонов, как чуждых нам; не станем слушаться их, хотя бы они возбуждали нас на молитву, хотя бы говорили о постах; а будем внимательнее смотреть на цель нашего подвижничества, – и не будем обольщены ими, делающими все с лукавством. – Бояться же их не должно, хотя бы казались они наступающими на нас, хотя бы угрожали смертию; потому что они немощны, и ничего более сделать не могут, как только угрожать»[16]. В самом начале первого тома русского издания Добротолюбия, в разделе *«Несколько слов о жизни и писаниях святаго Антония Великаго»* указывается и то, что *«Докучливость и безобразие нападаний образовали ... в борющемся отвращение ко всяким нечистым движениям и гнев на них с сильным раздражением: что лишило врага возможности при-*

[16] Добротолюбие в русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. Дополненное. Т. 1. // Наставления св. отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, извлеченные из слова его в жизнеописании св. Афанасия, из его 20 посланий и 20 слов, п. 11. – М.: «Православный паломник» – 1998. – С. 17.

ближаться к нему и даже издали как-нибудь искушать и тревожить его с этой стороны. Ибо чувство ненависти к страстным движениям суть огненные стрелы, опаляющие врага. ... Бесы, лишась возможности действовать чрез помыслы на душу очистившуюся, начинают действовать со вне, являются видимо и строют подвижнику то, чем надеются повредить ему, или поколебать его добрые намерения. – Благодать же Божия попускает это в видах преуспеяния подвижника, открывая ему чрез то восход на высшую степень и вместе снабжая неким правом на приятие потом власти над самими духами искусительными. Это и было со св. Антонием»[17]. Это же было со всеми нашими блаженными старицами. Не избежал этого и их последний преемник.

Являлись ему на помощь и святые мужи с женами, поддерживала его своими посещениями и блаженная старица Екатерина. Когда, изнемогающий в трудах и злостраданиях подвижник просил меня принять данный ему подвиг на себя или хотя бы разделить с ним эту брань пополам, ему тут же явился мой покойный старец схиигумен Амвросий и твердо сказал: “Нет благословения”. Действительно, тяжелейший крест Христа ради юродства по силам не каждому, поэтому и благословляется не каждому. Помоги ему, Господи, и спаси раба Твоего!

---

[17] Добротолюбие в русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. Дополненное. Т. 1. // Наставления св. отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, извлеченные из слова его в жизнеописании св. Афанасия, из его 20 посланий и 20 слов… – С. 5.

Оглавление

Часть I. Краткие воспоминания о подвижницах благочестия XIX–XX века Христа ради юродивых блаженных схимонахинях Серафиме и Марии, покоящихся на Святошинском кладбище города Киева..... 7
Вместо предисловия..... 9
Киевская пророчица..... 10
После революции..... 14
В предвоенные годы..... 23
Война..... 30
Преемница матушки Серафимы..... 37
Под началом матушки Марии..... 40
Светлая кончина..... 58
Перезахоронение матушки Серафимы..... 61
Скорые в помощи..... 63
Часть II. Блаженная девица Екатерина (По воспоминаниям духовных чад Христа ради юродивой старицы)..... 77
Предисловие..... 79
Истоки..... 80
В подвиге..... 82
Старица старца..... 84
«Я тебя прикрываю»..... 87
В Кирилловской больнице..... 87
Палач фашистский..... 88
Мед из Лавры, Сталин и Ленин..... 88
Схимница..... 90
Домой..... 91
Про часы..... 93
«Тюрьма!»..... 94
Про самолет, танец и удар под дых..... 96

Пропали документы..... 97
«Бандит Сталин!»..... 98
«Читай Иисусову молитву»..... 99
В храме Божием..... 99
Иоанн Воин..... 100
Невидимая брань..... 101
Отец Александр..... 103
Впервые у матушки..... 104
Отец..... 108
«Достойно есть»..... 110
Фаина Александровна..... 112
Мать Рафаила..... 119
Пожар в Покровском монастыре..... 121
«Жидовеночек»..... 122
«Кот»..... 126
Как на крыльях слетела..... 127
Исцеление..... 128
Про отца Иоанна..... 130
Предсказание монашеского пострига и рукоположения..... 131
«Искушаете, искушаете...»..... 132
«Выбирайте что-то одно»..... 133
Катенька..... 135
Об окружении блаженной Екатерины..... 135
Последняя келейница..... 136
Анна..... 138
Вспоминает отец Николай..... 139
Се Жених грядет в полунощи..... 144
Не бойтесь убивающих тело..... 145
Упокой, Господи, души усопших раб Твоих..... 147

На могилке блаженной Екатерины..... 148
Послесловие..... 148
В дополнение к сказанному..... 150
Исполнение предсказания о монашеском
постриге и рукоположении..... 150
Попросил, как живых, о помощи и исцелении и отеки сошли..... 152
«Укрывай, укрывай мощи»..... 154
«Богородице Дево»..... 157
«Отче наш»..... 157
Преемник матушки Екатерины..... 160
Оглавление..... 165